

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

ISSN 2587-8573

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ
Вестник
международный научный журнал

5
2022

16+

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№5 (38) / 2022

Издается с мая 2017 г.

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Курпаяниди Константин Иванович, PhD

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Международный редакционный совет:

- Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и. о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребзов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшоода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Аверичева В.И. Проблемы современной теории и практики института конституционно-правовой ответственности	1
Пономарев С.Ю. К вопросу о сущности предвыборной агитации и ее проекции в правовом регулировании	4
Федотов Н.О. Доверие граждан к судебной власти как реализация конституционного принципа справедливости	8

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Аванесова Р.А. Криминальное банкротство юридических лиц: особенности квалификации по уголовному законодательству Российской Федерации	11
Левохина И.Л. Основные проблемы, возникающие при ликвидации юридических лиц.	14

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Кулешова М.С. Соотношение формы договора банковского счета с овердрафтом и кредитного договора	17
Орехова С.Д. Специфика исключительного права на географическое указание и наименование места происхождения товара	19

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Дзусов Р.С. Подразделение транспортной безопасности как субъект правоохранительной деятельности	21
Онищенко А.В., Слинюк П.Д. Регламентация экстремизма и экстремистской деятельности на международном и национальном уровнях	26

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Зайцева М.Н.

Особенности организации рассмотрения дел с участием присяжных заседателей 29

Золотухина Т.Д., Пименова П.Д.

Вклад А. Р. Ратинова в развитие отечественной криминалистики с точки зрения судебной психологии 31

Кутуева Т.С.

Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон 33

Панфилов И.А.

Особенности проведения судебного следствия с участием присяжных заседателей 35

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Проблемы современной теории и практики института конституционно-правовой ответственности

Аверичева Валерия Игоревна, студент
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

В статье автор пытается выявить существующие в настоящее время проблемы теории и практики института конституционно-правовой ответственности органов публичной власти, а также предлагает возможные пути их разрешения.

Ключевые слова: конституционное право, институт конституционно-правовой ответственности.

Институт конституционно-правовой ответственности органов публичной власти является одним из важнейших институтов права в любом демократическом государстве, поскольку способствует установлению определенных гарантий для граждан страны, подтверждающих, что органы государственной власти, наделенные публичными полномочиями, несут ответственность перед народом.

Статьей 1 Конституции РФ предусмотрено, Российская Федерация является демократическим федеративным государством с республиканской формой правления.

В связи с чем, вопрос развития института конституционно-правовой ответственности в нашей стране является крайне актуальным.

Вместе с тем, проведенный анализ научной литературы по данному вопросу, позволил автору статьи сделать вывод о том, что данный институт все еще находится на стадии формирования и имеет определенные проблемы как на теоретической основе, так и на практической.

В данной статье автором будет рассмотрены проблемы теоретических основ конституционно-правовой ответственности и их влияние на ее реализацию.

Самой большой и важной проблемой современной теории и практики института конституционно-правовой ответственности является отсутствие установленного на законодательном уровне понятия конституционно-правовой ответственности, а также ее структурных элементов.

В научной литературе существует огромное разнообразие понятий конституционно-правовой ответственности.

Так, например, известные советские ученые в области конституционного права Ю. П. Еременко и Ф. М. Рудинский определяют конституционно-правовую ответственность «как установленную государством

и выраженную в конституционных и иных нормах государственного права обязанность, обращенную к государствам и общественным организациям, должностным лицам, гражданам, соблюдать конституционные нормы и в случае их нарушения претерпеть определенные конституцией и иными законами лишения политического характера» [4, с. 29–41].

Еще одно мнение об определении понятия конституционно-правовой ответственности выразила Н. М. Колосова, согласно которому «конституционно-правовая ответственность — это необходимость наступления неблагоприятных последствий за невыполнение (ненадлежащее исполнение) субъектами права своих конституционных обязанностей и за злоупотребление своими конституционными правами» [5, с. 6].

Или, например, А. А. Кондрашев полагает, что конституционно-правовая ответственность представляет собой «правовую связь (состояние), возникающую вследствие несоблюдения конституционно-правовой нормы участниками нарушенного конституционного правоотношения, воплощенную в установлении нормативного требования, обращенного к правонарушителю, подвергнуться государственному осуждению» [3, с. 106].

Можно привести огромное количество примеров, отражающих различные точки зрения известных учёных-правоведов, рассматривающих вопрос понятия конституционно-правовой ответственности, но все они сводятся к одному выводу, с которым автор не может не согласиться, — в действующем законодательстве отсутствует установленное определение, отражающее, что такое конституционно-правовая ответственность, что, безусловно, является существенным пробелом в праве.

В юридической литературе многие ученые также предлагают различные пути решения данной проблемы, а именно:

- 1) создание отдельного кодекса о конституционных отношениях, отражающий, понятие конституционно-правовой ответственности, причины ее наступления и способы применения;
- 2) создание отдельного федерального закона, который бы также отражал все вышеизложенные положения.

Также в научном сообществе существует позиция о том, что закрепление понятия конституционно-правовой ответственности вообще не требуется.

В качестве аргументации данной позиции выступает мнение, что, например, отсутствие в действующем законодательстве определений уголовной, административной и иных видов юридической ответственности не создают сомнений в их существовании и функционировании.

Автор данной статьи не может согласиться с указанной позицией по следующему основанию.

Действительно, законные определения уголовной, административной и иных видов юридической ответственности отсутствуют в нормах действующего законодательства. Вместе с тем, каждый вид существующей юридической ответственности полностью регламентирован, то есть определены их субъекты, признаки и основания наступления, что предотвращает проблемы их реализации.

Также автор статьи не может согласиться с позицией ученых о создании отдельного кодекса или федерального закона о конституционно-правовой ответственности, поскольку данный нормативный правовой акт должен содержать в себе не только понятие ответственности, но и все основания ее наступления и способы применения.

Вместе с тем, основания для наступления конституционно-правовой ответственности и закрепленные в нормах действующего законодательства способы ее применения также имеют ряд недочетов, которые не будут решены введением одного конкретного нормативного правового акта

Следующей существенной проблемой современной теории права института конституционно-правовой ответственности выступает отсутствие понимания, что такое конституционное правонарушение. Более того, ни в учебной литературе, ни в действующем законодательстве не установлено данное понятие.

Автор полагает, что в целях устранения данной проблемы, необходимо законодательно закрепить определение конституционного правонарушения.

По мнению автора конституционное правонарушение — это противоправное деяние субъекта конституционно-правовых отношений, наделенного публичными полномочиями, противоречащее установленным нормативными правовыми актами федерального, регионального и местного уровней, и повлекшее за собой нарушение прав граждан.

Также важной проблемой в области конституционно-правовой ответственности является отсутствие четкого закрепления состава конституционного правонарушения.

В нормах действующего законодательства не установлено, какие субъекты являются участниками конституционно-правовых отношений, кто из них несет конституционно-правовую ответственность, какие основания для ее наступления имеются. Также в отношении некоторых субъектов, несущих конституционно-правовую ответственность, не предусмотрена четкая процедура ее применения. Например, лишение неприкосновенности Президента РФ, прекратившего исполнение своих полномочий.

Данный вид конституционно-правовой ответственности является совершенно новым для Российской Федерации и установлен частью 1 статьи 93 Конституции РФ, претерпевшей изменения в силу конституционной реформы 2020 года.

Несмотря на то, что данный субъект конституционных правоотношений и данное основание для наступления конституционно-правовой ответственности являются совершенно новыми для нашей страны, законодателем не предусмотрена отдельная процедура для применения такой ответственности. Установленная процедура полностью дублирует порядок отрешения действующего Президента РФ от должности.

Также существенной проблемой в практике института конституционно-правовой ответственности является отсутствие в нормах действующего законодательства конкретики в составе конституционного правонарушения.

Указанная проблема выражена, например, в нормативных правовых актах, закрепляющих конституционно-правовую ответственность органов государственной власти субъектов РФ.

Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» регламентирует деятельность органов государственной власти субъектов РФ, а также предусматривает их ответственность в случаях ненадлежащего исполнения своих обязанностей.

Согласно положениям части 1 статьи 4 данного Федерального закона органы государственной власти субъектов Российской Федерации несут предусмотренную законодательством Российской Федерации ответственность, а также обеспечивают соответствие с Конституцией Российской Федерации, федеральным конституционным законам и федеральным законам принимаемых (принятых) ими конституций (уставов), законов и иных нормативных правовых актов и осуществляемой ими деятельности [2, ч. 1, ст. 4].

Данная статья формулирует только общие основания конституционно-правовой ответственности органов государственной власти субъектов РФ с отсылкой на нарушения нормативных правовых актов федерального и регионального уровня.

Вместе с тем, практикующие юристы и ученые-правоведы неоднократно отмечали, что нормы действующего законодательства, предусматривающие конституционно-правовую ответственность, содержат ряд пробелов, ко-

торые не позволяют эффективно реализовывать институт конституционно-правовой ответственности.

Еще одной проблемой теории и практики конституционно-правовой ответственности является вопрос субъектов, правомочных применять меры конституционно-правовой ответственности или как-то участвовать в процедуре реализации конституционно-правовой ответственности.

Количество указанных субъектов достаточно велико: Президента РФ, федеральные органы законодательной и исполнительной власти, органы государственной власти субъектов РФ, Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, суды общей юрисдикции.

По мнению автора, возможно целесообразно задуматься законодателю о создании какого-то отдельного органа государственной власти, который бы занимался вопросами конституционно-правовой ответственности органами публичной власти.

Хочется отметить, что такая практика уже распространена в западных странах. Например, в Польше функционирует Государственный Трибунал, который уполномочен на возложение конституционно-правовой ответственности.

И последней проблемой, препятствующей эффективной реализации конституционно-правовой ответственности, отсутствие единого мнения относительно санкций, которые применяются в рамках конституционно-правовой ответственности.

Например, Н. М. Колосова относит к ним: «досрочное лишение (изменение) конституционного статуса государственного органа, должностного лица, общественного объединения; признание неконституционным акта

или отдельных положений, приостановление действия актов органов исполнительной власти субъектов РФ; ограничение специального или общего статуса физического лица (ограничение прав и свобод в условиях чрезвычайного положения)» [5].

По мнению Д. И. Назарова, И. С. Назаровой конституционными санкциями являются «отрешение Президента от должности, роспуск Государственной Думы РФ, лишение депутатской неприкосновенности, отставка Правительства, признание Конституционным Судом РФ неконституционными законов, указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ и других нормативных правовых актов» [6, с. 16–17].

По мнению автора, в целях устранения таких разногласий относительно разновидности санкций конституционно-правовой ответственности, необходимо закрепить их в Конституции РФ или конкретно предусмотреть в соответствующих законах.

Подводя итоги данного исследования, необходимо отметить, что как видно из вышеизложенного, институту конституционно-правовой ответственности, действительно, находится на стадии своего формирования в Российской Федерации. Действующие законодательные нормы, регламентирующие его, имеют ряд существенных пробелов, которые не позволяют полноценно функционировать данному институту.

По мнению автора статьи необходимо выработать единую концепцию введения конституционно-правовой ответственности в стране, посредством общего анализа установленных законодательно оснований для ее наступления и процесса фактического применения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства РФ. — 2021 г., № 52 (часть I). Ст. 8973.
3. Василевич, Г. А. Конституционно-правовая ответственность — особый вид юридической ответственности / Г. А. Василевич // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. — 2001. — № 1;
4. Еременко, Ю. П. Проблема ответственности в советском государственном праве / Ю. П. Еременко, Ф. М. Рудинский // Юридическая ответственность в советском обществе: сб. науч. ст. / Высш. следств. шк. МВД СССР. — Волгоград, 1974. — Вып. 9.
5. Колосова, Н. М. Конституционная ответственность в Российской Федерации: ответственность органов государственной власти и иных субъектов права за нарушение конституционного законодательства Российской Федерации / Н. М. Колосова. — М.: Городец, 2000.
6. Назаров Д. И., Назарова И. С. Ответственность в конституционном праве // Юрист. — 2001.

К вопросу о сущности предвыборной агитации и ее проекции в правовом регулировании

Пономарев Сергей Юрьевич, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

В статье автор осмысляет конституционно-правовую природу предвыборной агитации, выделяет подходы к пониманию и определению сущности предвыборной агитации как юридической категории в российских традициях юридической мысли и деконструирует её нормативное определение в попытке выявить проблемы выражения сущностных черт предвыборной агитации в квалифицирующих признаках.

Ключевые слова: предвыборная агитация, правовое регулирование предвыборной агитации, сущность предвыборной агитации, конструкция предвыборной агитации, содержание предвыборной агитации, сроки предвыборной агитации, цели предвыборной агитации.

Объемность и многоуровневость предвыборной агитации как политико-правового явления определяет сложность описания его сущности, что уже само по себе обуславливает проблемность правового регулирования агитации. Вместе с тем, практической трансформации её содержания, явившейся неизбежным следствием целого ряда политических, социальных, технологических и даже экономических процессов, так и не сопутствовало реформирование нормативной базы её правового регулирования.

В этой работе мы хотим осмыслить конституционно-правовую природу предвыборной агитации в широком контексте. К законодательным реформам можно подойти с очень разных позиций и с разными целями, любую их ориентацию можно обосновать. История последних изменений в российском избирательном законодательстве вполне очевидно демонстрирует их инструментальный характер в решении законодателем конкретных и, если позволите, тактических задач. Но понимание сущности предвыборной агитации имеет крайне важное значение в построении границ, рамок будущей трансформации правовых норм. И учёт проблем и противоречий её проекции в текущее правовое пространство должен стать частью разработки любых будущих новелл, способствующей органичной их имплементации в правовую и социально-политическую реальность с сохранением целостности её «ткани».

Предвыборная агитация как явление может описываться в категориях очень многих социальных и политических наук. Но и в рамках юридических категорий предвыборную агитацию можно рассматривать в разных смыслах и значениях. В научной среде выделяется, как минимум, три ее «ипостаси» [3; 5].

1. Предвыборная агитация как отдельная стадия избирательного процесса, ограниченная рамками времени.

2. Предвыборная агитация как правовой институт или субинститут [2; 3; 5; 9].

3. Предвыборная агитация как специфическая деятельность субъектов избирательного процесса. В этом же контексте ее можно считать частью политической технологии [3; 5].

Некоторые исследователи, как, например, Н. В. Хачатуров, рассматривают предвыборную агитацию в том числе

как соответствующие право и обязанность субъектов избирательного процесса [2]. Указывается, что «под правом на предвыборную агитацию в субъективном смысле следует понимать меру юридических возможностей участвовать в свободном обмене предвыборной политической информацией, что предполагает не только возможность беспрепятственно выражать политические взгляды и мнения, но и недопустимость принуждения к их выражению или отказу от них». Таким определением автор формулирует важную, как он считает, связь права на предвыборную агитацию с закрепленными в Конституции политическими правами: право на свободу мысли и слова, право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом [9]. Однако российский законодатель и Конституционный Суд проводят явную границу между правом на предвыборную агитацию и правом на выражение своих политических взглядов и мнений, предполагая различия в содержании соответствующих действий.

В значении специфической деятельности предвыборная агитация определяется и Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Юридическое содержание термина предвыборной агитации установлено законом как «деятельность, осуществляемая в период избирательной кампании и имеющая целью побудить или побуждающая избирателей к голосованию за кандидата, кандидатов, список, списки кандидатов или против него (них)» [7].

В этом определении, как пишет Л. Т. Аглеева, заложена в своих основах конструкция предвыборной агитации, так как ее можно рассмотреть и в значении юридической конструкции избирательного права. Но из всех конструктивных элементов предвыборной агитации нормативное определение указывает нам, в первую очередь, на три квалифицирующих признака и сущностные черты агитации.

Содержание деятельности. Важно отметить, что эта деятельность может носить только информационный характер, т. е. всегда связана с распространением информации. Правомерное побуждение избирателя к определенному волеизъявлению не может осуществляться

в форме любой иной, кроме информационной, деятельности.

Закрытый перечень видов такой деятельности в России определяется пунктом 2 статьи 48 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и не подлежит расширительному толкованию [7]. Интересно, что содержание деятельности стало критерием выделения всех видов, кроме последнего — «деятельность, способствующая созданию положительного или отрицательного отношения избирателей к кандидату, избирательному объединению, выдвинутому кандидату, список кандидатов». В этом случае критерием стал характер взаимосвязи деятельности с результатом. Причем неочевидна не просто практическая возможность квалификации «способствования», но и значение этой формулировки. Может ли деятельность способствовать созданию отношения уже в процессе ее осуществления? Тогда мера «способствования» — это некая потенция. Или же определить непосредственную причинно-следственную связь между деятельностью и формированием отношения избирателей к кандидату (избирательному объединению) можно только по достижению фактического результата, то есть когда отношение уже сформировано? В таком случае представляется, что «способствовать» деятельность может в совершенно любой степени, даже самой незначительной, и вообще в числе факторов формирования отношения избирателя к кандидату может занимать, например, последнее место, и играть лишь факкультативную роль, т. е. может являться совершенно необязательным условием (при наличии иных) формирования отношения конкретного избирателя к конкретному кандидату.

Сроки. Само определение предвыборной агитации называет ими период избирательной кампании. Однако не уточняется, в каком качестве он выступает: конкретных границ «от» и «до», или же пределов, внутри которых могут быть определены иные границы. И только в статье 49 Федерального закона N 67-ФЗ эти иные границы определяются (или конкретизируются) агитационным периодом [7].

Начало агитационного периода, определяемое выдвижением кандидата, наступает позже начала избирательной кампании, порождая для субъектов агитации так называемую «серую зону». Аналогичная деятельность вне пределов агитационного периода или признается незаконной, или не может считаться предвыборной агитацией, что порождает в том числе противоречивость правоприменительной практики. И лишь с учетом практического опыта избирательных кампаний учеными, как пишет Л. Т. Аглеева, был выработан подход, согласно которому деятельность, обладающая агитационными признаками, но осуществляемая в период с момента начала избирательной кампании до выдвижения кандидата, списка кандидатов, предвыборной агитацией не является. Обосновывается данный подход недопустимостью приравнивания по значению понятия «потенциальный кан-

дидат», не являющегося правовым, к законодательному термину «кандидат», и, следовательно, до выдвижения кандидата (списка кандидатов) соответствующая деятельность не может быть признана предвыборной агитацией [10].

При этом общие границы не являются универсальными и могут сужаться в зависимости от формы и канала агитации. Например, «на каналах организаций телерадиовещания, в периодических печатных изданиях и в сетевых изданиях проводится в период, который начинается за 28 дней до дня голосования и прекращается в ноль часов по местному времени дня, предшествующего дню голосования». Если голосование проводится несколько дней подряд, как на последних выборах в Государственную Думу (17–19 сентября 2021 года), то агитация прекращается «в ноль часов по местному времени первого дня голосования» [7].

Кажется, что не получила должного внимания в исследовательской практике проблема выделения законодателем нескольких видов агитационного периода в зависимости от субъекта агитации. Выделяя агитационный период для избирательного объединения; для кандидата, выдвинутого в составе списка кандидатов; для кандидата, выдвинутого непосредственно, закон игнорирует других субъектов агитации. Например, избирателей, граждан, которые могут выступать не только объектом, но и субъектом агитации. Причем как участвуя в кампании, например, кандидата, так и независимо от него. Эта проблема теряет актуальность, если считать избирательное объединение или кандидата, на которых указывает норма, не непосредственным субъектом предвыборной агитации, а лишь указанием на содержание агитации в зависимости от того, в отношении кого она осуществляется. Но в противном случае сроки проведения агитации остаются неурегулированными для целого ряда субъектов. Такой подход, как представляется, не соответствует принципам ясности и недвусмысленности правового регулирования. Впрочем, порядок осуществления предвыборной агитации гражданами независимо от избираемых субъектов не урегулирован даже в большем объеме.

Цель. Определение предвыборной агитации в терминах Федерального закона от 12.06.2002 N 67-ФЗ формально не называет цель ее обязательным признаком, считая предвыборной агитацией:

- и деятельность, имеющую целью побудить избирателей к голосованию за кандидата, кандидатов, список, списки кандидатов или против него (них);
- и деятельность, побуждающую избирателей к голосованию за кандидата, кандидатов, список, списки кандидатов или против него (них) [7].

Цель агитации, таким образом, ставится в один ряд то ли с фактическим результатом, эффектом деятельности (который может не зависеть от умысла и воли субъекта агитации), то ли с ее содержанием, если слово «побуждающая» указывает на потенцию, определяемую непосредственно в момент осуществления агитации.

Это рождает целый ряд логических противоречий и, как указывается многими исследователями и подтверждается правоприменительной практикой, необоснованно «раздувает» понятие предвыборной агитации. Таким образом, как указывает Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 30.10.2003 г. № 15-П, для правоприменителя открывается окно недопустимо широкого усмотрения, что «несовместимо с юридическим равенством, ограничивает свободу массовой информации и право граждан на получение информации, необходимой для формирования свободного волеизъявления на выборах» [12].

Конституционный Суд пытается разрешить возникшие противоречия, однозначно формулируя специальную цель агитационной деятельности — «склонить избирателей в определенную сторону, обеспечить поддержку или, напротив, противодействие конкретному кандидату, избирательному объединению». Соответственно действия, имеющие такую цель, должны быть обусловлены «объективно подтвержденным умыслом добиться конкретного результата на выборах» [12].

Однако в данном Постановлении Конституционный Суд формулирует специальную цель агитации в отношении действий организаций, осуществляющих выпуск СМИ, то есть в отношении определенного круга субъектов. При этом определение, квалифицирующие признаки и сущностные черты агитации не должны зависеть от ее субъекта. По крайней мере ни законодатель, ни Конституционный Суд не сообщают нам обратного. Представляется, что такая формулировка специальной цели должна быть справедлива для любого из возможных субъектов агитации. Однако, как указывает Е. И. Колюшин, в отношении кандидатов судебная практика квалификации действий как информационных или агитационных «колеблется между презумированием агитационной цели в силу факта появления материала, действия во время избирательной кампании и необходимостью доказывания наличия агитационной цели» [1]. Подходы к определению наличия агитационной цели тоже вариативны. Например, Верховный Суд РФ в определении от 17 сентября 2002 г. (дело № 53-Г02-21) приходит к выводу, что о наличии такой цели может свидетельствовать совокупность фактов, изложенных в листовке, в их последовательности, когда за положительными сведениями о деятельности кандидата следует информация о его выдвижении и поддержке неким кругом лиц. Хотя прямых призывов к голосованию за кандидата листовка не содержит, и будучи обособленными, размещенными на разных носителях два эти сообщения могли не содержать в себе достаточно признаков, квалифицирующих их как агитационные [1].

Широкий спектр целей предвыборной агитации формулируют в своей работе С. В. Большаков и А. Г. Головин:

- «побуждение избирателей к голосованию за конкретных кандидатов, списки кандидатов (и соответственно против остальных кандидатов, списков кандидатов);

- доведение до сведения избирателей (в наиболее выгодном свете) информации о предвыборной программе конкретного кандидата, избирательного объединения, о личных качествах, перспективах избрания конкретного кандидата, его преимуществах по сравнению с иными кандидатами;
- доведение до сведения избирателей (в наименее выгодном свете) информации о предвыборных программах иных кандидатов, избирательных объединений, о личных качествах, перспективах избрания иных кандидатов, их недостатках по сравнению с поддерживаемым кандидатом;
- обеспечение надлежащей социальной поддержки конкретных кандидатов, избирательных объединений» [3].

Если рассматривать подобную постановку целей агитации в аспекте их отношения к ожидаемому субъектом агитационной деятельности результату (а в конечном итоге это голосование избирателя в день выборов), в структуре их формулировки можно обнаружить внутреннее противоречие. Как справедливо указывает И. А. Симоненко, для его снятия «побуждение в структуре агитационной деятельности следует понимать одновременно в двух аспектах — как промежуточную цель и как средство. Выступая первоначально в качестве цели агитационной деятельности, в момент своей реализации побуждение сразу же трансформируется в средство достижения конечной цели — участия избирателя в голосовании» [15].

Обеспечение социальной поддержки, в свою очередь, может быть лишь целью низшего порядка по отношению к побуждению избирателей к голосованию. Пассивная поддержка не обязательно конвертируется в активную в день выборов: избиратель может по разным причинам просто не дойти до избирательного участка. Доведение же до сведения избирателей информации о любых характеристиках кандидата как личности или политического актора, на наш взгляд, вообще нельзя назвать целью агитации вне зависимости от уровня в системе иерархии целей. Во-первых, сама формулировка «доведение до сведения» подразумевает лишь действие субъекта, никак не отражая изменение состояния объекта агитационной деятельности. Во-вторых, подобное сужение целей до использования в их формулировке конкретных характеристик (предвыборная программа, личные качества, перспективы избрания, преимущества или недостатки) не позволяет определению соответствовать реальной полноте понятия. Помимо описанных в предвыборной агитации активно используются и иные средства, а описанные в то же время могут не использоваться.

Характер этого комплекса проблем законодательного определения предвыборной агитации, как мы видим, не только технический. Противоречия кроются в нормативном выражении сущности предвыборной агитации, что выводит их последствия далеко за рамки правоприменения. Будучи фундаментальным для целого комплекса правовых норм, нормативное опреде-

ление предвыборной агитации в текущем виде распространяет эти противоречия на всю систему правового регулирования. И для предотвращения кратного роста объема их негативного влияния любую будущую ре-

форму правового института (субинститута) предвыборной агитации следует проводить не фрагментарно, а системно и последовательно, начиная с базовых для института понятий.

Литература:

1. Выборы и избирательное право в зеркале судебных решений: монография / Е. И. Колюшин. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. <https://znaniyum-com.ezproxy.ranepa.ru:2443/catalog/document?id=353212>.
2. Попова, О. О. Институциональный подход к исследованию предвыборной агитации / О. О. Попова // Конституционное и муниципальное право. — 2016. — № 6. — С. 57. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26211692>.
3. Информационное обеспечение выборов и референдумов в Российской Федерации / С. В. Большаков, А. Г. Головин. М.: Весь мир, 2007. — 301 с. — Режим доступа: https://www.rcoit.ru/upload/iblock/cc5/informacionnoe_obespechenie_viborov_i_referendumov.pdf
4. Информирование избирателей как гарантия реализации активного избирательного права граждан в Российской Федерации: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Д. А. Реут. М.: Российский государственный социальный университет, 2015. — 225 с. — Режим доступа: <https://www.agprf.org/userfiles/ufiles/facultety/aspirant/diss/2016/reut.pdf>.
5. Андреева, Л. А. Перетягина, Л. В. К вопросу об агитации в избирательном процессе / Л. А. Андреева, Л. В. Перетягина // Вопросы современной юриспруденции. — 2016. — № 10 (60). — С. 52. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-agitatsii-v-izbiratelnom-protssesse/viewer>.
6. Архирейская, Т. Ю. Конституционно-правовые пределы ограничений предвыборной агитации в Российской Федерации / Т. Ю. Архирейская // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. — 2016. — № 30. — С. 5. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27716614>.
7. Федеральный закон от 12.06.2002 N 67-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Российская газета. 2002. № 106.
8. Персаев, А. З. Зураев, А. М. О разграничении понятий «информирование избирателей» и «предвыборная агитация» / А. З. Персаев, А. М. Зураев // Актуальные проблемы права. — 2019. — С. 259. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38218020>
9. Аглеева, Л. Т. Основы правового регулирования предвыборной агитации в Российской Федерации / Л. Т. Аглеева Л. Т. // Избирательное право. — 2006. — № 4. — С. 2. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-pravovogo-regulirovaniya-predvybornoy-agitatsii-v-rossiyskoy-federatsii/viewer>.
10. Аглеева, Л. Т. Особенности правового регулирования сроков предвыборной агитации / Л. Т. Аглеева Л. Т. // Конституционное и муниципальное право. — 2016. — № 3. — С. 27. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25664772>.
11. Федоров, В. В. Особенности предвыборной агитации в российском законодательстве / В. В. Федоров // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. — 2016. — № 3. — С. 38. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27200049>.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 N 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С. А. Бунтмана, К. А. Катаняна и К. С. Рожкова» // Российская газета. 2003. № 221.
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2005 N 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 48 и статьи 58 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», пункта 7 статьи 63 и статьи 66 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» // Российская газета. 2005. № 260.
14. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2006 N 7-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 48, 51, 52, 54, 58 и 59 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом Государственной Думы Астраханской области» // Российская газета. 2006. № 131.
15. Предвыборная агитация как стадия избирательного процесса в Российской Федерации: магистерская диссертация / И. А. Симоненко. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2018. — 88 с. — Режим доступа: <http://ui.tsu.ru/wp-content/uploads/2018/07/Симоненко-Илья-Андреевич.pdf>.

Доверие граждан к судебной власти как реализация конституционного принципа справедливости

Федотов Никита Олегович, студент магистратуры

Научный руководитель: Комкова Галина Николаевна, доктор юридических наук, профессор Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Для современного российского общества важнейшим является вопрос о доверии к судебной власти, выступающей одним из главных рычагов демократического развития государства. В условиях постоянного преобразования правовой системы России судебная власть должна качественно и эффективно обеспечивать защиту прав и свобод граждан, законных интересов человека и общества, несмотря на наличие преград, возникающих в процессе осуществления правосудия.

Ключевые слова: доверие, конституционные принципы, судебная власть, защита прав граждан, гражданское общество, справедливость.

В настоящее время категория справедливости является необходимой практически для всех сфер современного общества — социологии, психологии, экономики, политологии. И безусловно для юриспруденции, о чем стоит остановиться более подробно.

Как показывают исследования в различных научных отраслях, проблема доверия и справедливости стала одной из центральных для современного российского общества. Сегодняшнее положение в государстве и в мире, обязывает государственную власть, в целом, и судебную власть, в частности, не только к большей ответственности и вниманию, но и к применению ряда мер, направленных на восстановление и укрепление доверия к судьям. Так, Конституция Российской Федерации [1] в статье 2 устанавливает права и свободы человека и гражданина высшей ценностью и возлагает на государство обязанность по их признанию, соблюдению и защите. Среди государственно-правовых средств, призванных реально гарантировать права и свободы человека и гражданина, главенствующая роль принадлежит именно судебной защите.

Не зря в своей диссертации по теме «Конституционный принцип справедливости: юридическая природа и нормативное содержание» [10] М. В. Пресняков однозначно утверждал, что судам отводится важнейшая задача по вынесению верных, обоснованных и законных решений. И спорить с этим трудно, поскольку успешное становление и развитие России как демократического государства зависит от эффективного функционирования судебной власти, которая способна выполнять свои функции только при условии сохранения в обществе доверия к судам. Как известно, судебная власть не может быть реальным гарантом исполнения законов, если она не легитимирована обществом, если люди однозначно не убеждены в том, что суды независимы и принимают решения только в соответствии с законом. А по мнению ряда ученых, в настоящее время в российском обществе отсутствует вера в беспристрастное и справедливое правосудие [9, С. 97]. Так это или нет, вопрос неоднозначный, поэтому ответить на него с уверенностью невозможно по ряду причин.

Во-первых, любое решение суда, будь то гражданско-правовой спор или уголовное разбирательство, всегда

воспринимается сторонами субъективно. Поскольку при разрешении дела права участников процесса не могут находиться в равновесии. А значит проигравшая сторона может и будет считать, что решение суда могло быть необъективным и несправедливым. Но на сегодняшний день данная проблема, на наш взгляд, разрешается только одним способом — рассмотрением дела в вышестоящей инстанции. Наша судебная система позволяет участникам процесса представлять свою позицию как при первом рассмотрении дела, так и в апелляции, кассации и Верховном суде РФ в порядке надзора. Поэтому трудно утверждать, что беспристрастного правосудия в России не существует. Существуют определенные проблемы при вынесении отдельных решений, которые устраняются вышестоящими судами.

Во-вторых, вера в справедливое правосудие зависит от уровня открытости и доступности судов. Данная проблема обусловлена тем, что граждане мало информированы и не могут ориентироваться должным образом в запутанной судебной системе. Обеспечение доступа граждан к правосудию и обеспечение его максимальной открытости и прозрачности являются основными направлениями развития судебной системы, а значит государство должно стремиться к повышению уровня правосознания и правовой культуры населения.

Так, на данный момент в России действует Федеральная целевая программа (далее — ФЦП) «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы», основными задачами которой являются обеспечение открытости и доступности правосудия, обеспечение независимости судебной власти. Программа подчеркивает, что «в настоящее время существует ряд проблем, связанных с качеством правосудия, сроками судопроизводства, недостаточной информированностью граждан о деятельности судебной системы, неудовлетворительной работой судов, неэффективным исполнением судебных актов, отсутствием необходимых условий для осуществления правосудия и др.». И поскольку от уважения к судебной власти зависит доверие к государственной власти в целом, нет необходимости говорить, насколько велика сегодня роль правосудия в демократическом государстве. Судебная власть в современных условиях должна оставаться гарантом реализации общественного договора, гарантией макросоци-

ального развития и устойчивости, конституционной стабильности. Всё это свидетельствует о том, что принцип справедливости в призме доверия граждан к судам — системообразующий конституционный принцип, который должен обеспечиваться и охраняться государством крайне тщательно. «Отчуждение, т. е. взаимное недоверие между властью и обществом, — это исконная российская проблема, которую невозможно решить за пару десятилетий», считает председатель Конституционного суда РФ В. Д. Зорькин [11]. Концепция ФЦП «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы» в качестве ожидаемой эффективности судебной реформы и результативности решения проблем правосудия устанавливает повышение качества правосудия и эффективности рассмотрения судебных споров, повышение авторитета судебной власти. Это позволяет думать, что одним из важнейших направлений сегодняшних преобразований государства продолжает оставаться реформирование судебной системы в направлении ее демократизации, обеспечения независимости судебной власти, искоренения сложившегося противостояния между судами и гражданами, преодоления недоверия и отчуждения населения от органов, призванных защищать его законные интересы и права.

Несмотря на вышеупомянутые проблемы, стоит отметить, что любая система в государстве будет работать эффективно лишь при наличии баланса между субъектами, их правами и обязанностями. На наш взгляд сегодня это равновесие нарушено, по крайней мере тем, что судебная система России сильно перегружена. По результатам проведенных исследований было установлено, что порядка 60% от нагрузки на суды общей юрисдикции — это гражданские и административные фактически бесспорные дела, касающиеся незначительных штрафов либо лиц, согласившихся с совершением правонарушения. В случае с арбитражными делами доля фактически бесспорных дел достигает 50% [12]. Это значит, что большая часть работы судов — это выполнение канцелярских функций, которые по своей сути не имеют ничего общего с осуществлением

правосудия. И вполне логично, что увеличение нагрузки на сотрудников судов не позволят развиваться судебной системе сбалансированно. В научной среде и в судебском сообществе регулярно поднимается вопрос передачи полномочий по данным категориям дел нотариату и иным административным органам. Также рассматривается вариант использования автоматизированных систем и так называемого «искусственного интеллекта» для разрешения данных категорий дел. Тем не менее к решению данного вопроса нужно подходить с осторожностью, поскольку разгрузка судебной системы ни в коем случае не должна снижать качество правосудия.

Заключая вышеизложенное, стоит отметить, что положение суда, его авторитет и степень независимости являются точными показателями состояния законности в любом государстве, позволяют судить о гарантированности прав личности. Без действительно независимого суда невозможно демократическое развитие, создание современного правового государства. Ведь в широком смысле слова суд является гарантом прав гражданина, главной инстанцией, обеспечивающей защиту личности. Но для того, чтобы выносить обоснованные и справедливые решения, судам должно быть гарантировано невмешательство в свою деятельность. Отсутствие обеспечения независимого осуществления правосудия, нормального функционирования судебной власти снижает доверие граждан к государственной власти, в конечном счете ставит под угрозу гарантированное Конституцией РФ право человека и гражданина на судебную защиту, поскольку реализация конституционных положений о гарантиях судебной защиты прав и свобод человека и гражданина неразрывно связана с созданием государством надлежащих условий для деятельности судов. Таким образом, рост доверия к судебной власти является ожидаемым и необходимым результатом работы судов всех уровней в Российской Федерации, реализации стратегии государственного управления, направленной на разрешение проблем организации правосудия и функционирования судебной власти.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). // *Собрание законодательства РФ*. 2014. № 31. Ст. 4398. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // *Российская газета*. 2020 г. № 144.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04 ноября 1950 г. (с изм. от 13.05.2004) // *СЗ РФ*. — 2001. — № 2. — Ст. 163.
3. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 № 1-ФКЗ // *СЗ РФ*. — 2020. — № 11. — Ст. 1416.
4. Всеобщая декларация прав человека: Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.48 / *Международные акты о правах человека: Сборник документов*. 2-е изд. М. 2002.
5. О Конституционном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 09.11.2020) // *СЗ РФ*. 1994. № 13. Ст. 1447; 2001. № 51. Ст. 4824.
6. Авакьян С. А. Конституционное право России: Учеб. // М.: Юристъ. 2006.
7. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: Учеб. // М.: НОРМА. 2007. — 784 с.

8. Комкова Г. Н. Конституционное право Российской Федерации: учебник для прикладного бакалавриата // Г. Н. Комкова, Е. В. Колесников, М. А. Липчанская. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2017. — 473 с.
9. Козырева П. М., Смирнов А. И. Проблемы укрепления доверия к судебной власти в современной России // Власть. 2008. № 8. С. 97–102.
10. Конституционный принцип справедливости: юридическая природа и нормативное содержание: автореферат дис. доктора юридических наук: 12.00.02 / Пресняков Михаил Вячеславович; [Место защиты: Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского]. — Саратов, 2010. — 45 с.
11. Выступление Председателя КС РФ. Общественное доверие и его роль в функционировании правовой системы. (дата обращения: 01.10.2022) // ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=59.
12. Исследование: российские суды перегружены бесспорными делами. (дата обращения: 01.10.2022) // pravo.ru/news/232008/.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Криминальное банкротство юридических лиц: особенности квалификации по уголовному законодательству Российской Федерации

Аванесова Рада Александровна, студент магистратуры
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

Несмотря на то, что действующее законодательство о банкротстве предусматривает ряд механизмов, препятствующих незаконным действиям лиц¹ при проведении процедуры банкротства (в частности, нормами Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» установлено обязательное проведение экспертизы всех операций и сделок, совершенных юридическим лицом за последний год, предшествующий подаче заявления должником о возбуждении процедуры банкротства, с целью выявления признаков фиктивного и преднамеренного банкротства), нормы Уголовного кодекса РФ и Кодекса РФ об административных правонарушениях содержат ряд статей, предусматривающих ответственность лица в случае выявления неправомерности его действий при инициации процедуры банкротства.

Особое распространение такого рода неправомерные действия имели в 1990-е годы, когда стихийное «реформирование» экономической модели страны под объявленные предпринимателям новые свободы и возможности в реалиях высоко криминогенной обстановки перестроечного времени происходило значительно быстрее, чем устанавливалось правовое регулирование новых видов правоотношений в законодательстве России.

Полукриминальные и откровенно незаконные схемы организации и ведения бизнеса, так же, как и различные схемы по «отъему» бизнеса у конкурентов были типичной ситуацией того времени, являлись порождением не только глубоко маргинального мышления и способа действия, как наиболее «эффективного», но и пробелов в правовом регулировании соответствующих видов экономических отношений. Такие схемы разрабатывались и воплощались, в том числе, через процедуру банкротства — в первую очередь, банкротства юридических лиц, как наиболее экономически весомых участников рынка.

Несмотря на то, что за прошедшие годы законодательство в сфере банкротства значительно усовершенствовано

и продолжает дополняться новыми нормами, само явление криминального банкротства не исчезло.

Признание несостоятельности (банкротства) юридического лица — процедура многоступенчатая, комплексная, подразумевающая серьезную работу суда и вовлеченных в дело лиц (в частности, арбитражного управляющего, конкурсного управляющего) по установлению факта неплатежеспособности юридического лица в течение длительного времени (не менее трех месяцев), выявлению и аккумуляции его активов, определению очереди кредиторов и решению главного вопроса — способен ли хозяйствующий субъект восстановить свою платежеспособность при применении антикризисных мер, возможно и целесообразно ли восстановление его рентабельности. Данная процедура, по своей сути, направлена на сохранение баланса интересов вовлеченных в процедуру банкротства сторон — и самого нерентабельного юридического лица, которое, проходя через стадии банкротства, получает шанс сохранить свое существование через санацию или реструктуризацию (за исключением строительных организаций, в отношении которых применяются не все стадии банкротства), и его кредиторов, чье право нарушено. Помимо прочего, процедура банкротства несет в себе еще одну немаловажную функцию — она освобождает рынок от его слабых, неконкурентоспособных участников.

Как в любом сложном финансово-правовом институте, в институте банкротства не редко обнаруживаются различного рода нарушения, злоупотребление правом, неправомерные действия с целью сокрытия значимой информации, преступный сговор, мошеннические действия и т. д. Все эти действия лежат в плоскости публично-правового регулирования, поскольку выходят далеко за рамки исполнения обязательств частноправового характера, посягают на сложившийся в экономической сфере общественный порядок и препятствуют устойчивому макроэкономическому развитию государства.

Российское законодательство в зависимости от размера причиненного ущерба квалифицирует незаконные действия, сопряженные с процедурой банкротства,

¹ В целях настоящей статьи под «лицом» и «должником» понимаются юридические лица; приведенные ниже положения законодательства цитируются в части, касающейся деятельности юридических лиц.

как административное правонарушение либо как уголовное преступление.

Введенный в 1996 году Уголовный кодекс установил три состава преступлений в сфере банкротства: неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ), преднамеренное банкротство (ст. 196 УК РФ), фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ).

Субъективная сторона всех указанных преступлений характеризуется прямым умыслом и общей преступной целью — уклонением лица от исполнения финансовых обязательств перед кредиторами (лицами, имеющими по отношению к должнику права требования по денежным обязательствам и иным обязательствам, об уплате обязательных платежей, о выплате выходных пособий и об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору [1]).

Норма статьи 195 УК РФ устанавливает, что такое уклонение может выражаться в сокрытии имущества, имущественных прав или обязанностей, сведений и информации, передаче имущества во владение другим лицам, в отчуждении и уничтожении имущества, а также в фальсификации бухгалтерских документов и финансовой отчетности (если такое деяние не формирует состав ч. ч. 4,5 ст. 170.1, ст. 172.1 УК РФ), воспрепятствованию деятельности уполномоченных лиц при наличии у юридического лица признаков банкротства.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что перечисленные действия лица будут квалифицированы по ст. 195 УК РФ и в том случае, когда они были предприняты до возбуждения дела о банкротстве в суде, поскольку «признаки банкротства считаются установленными с момента, когда юридическим лицом денежные обязательства и (или) обязанности по уплате обязательных платежей не исполнены по истечении трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены. При этом сумма обязательств юридического лица может не превышать стоимость принадлежащего ему имущества» [2].

Преднамеренное банкротство характеризуется законодателем, как действия (бездействия), заведомо влекущие неспособность юридического лица в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если эти действия (бездействие) причинили крупный ущерб.

Согласно «Методическим рекомендациям по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства» [3] под действиями, влекущими неспособность удовлетворить требования кредиторов, понимается умышленное деяние, направленное на возникновение или увеличение неплатежеспособности юридического лица».

При этом судами указывается на то, что такие действия (бездействие) должны повлечь наступление материального ущерба, который может быть причинен как самому юридическому лицу, так и его кредиторам [4].

Поскольку юридическое лицо отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом, невозможность расплатиться по своим обязательствам перед кредиторами прямо вытекает из изменения процентного соотношения кредитной массы и активов юридического лица в сторону уменьшения последних. В этой связи разграничение объектов ущерба представляется сугубо формальным, поскольку по смыслу ст. 196 УК РФ ущерб, понесенный юридическим лицом, подразумевает причинение ущерба его кредиторам в виде невозможности получить исполнение денежного обязательства.

Между тем, правовая конструкция ст. 196 УК РФ, позволяет предположить, что действиями виновного лица может руководить не только цель уклонения от исполнения обязательств перед кредиторами, но и устранения конкуренции, поскольку из трех уголовных составов криминального банкротства, предусмотренных УК РФ, только ст. 196 рассматривается случай реального и преднамеренного доведения юридического лица до состояния неплатежеспособности.

В рамках действующего законодательства о несостоятельности наиболее спорной представляется содержащаяся в УК РФ норма о фиктивном банкротстве.

Ст. 197 УК РФ определяет фиктивное банкротство как «заведомо ложное публичное объявление руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данного юридического лица о своей несостоятельности, если это деяние причинило крупный ущерб».

Согласно «Методическим рекомендациям по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства», под публичным объявлением подразумевается устное или письменное сообщение в средствах массовой информации или арбитражном суде.

Нормами Закона РФ от 19.11.1992 № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий», которые действовали до принятия действующего Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» предусматривалось, что несостоятельность (банкротство) предприятия считается установленной после признания факта несостоятельности арбитражным судом или после официального объявления о ней должником при его добровольной ликвидации [5].

Соответственно, на момент введения Уголовного кодекса РФ 1996 года процедура установления банкротства юридического лица предполагала, помимо судебного порядка, «упрощенный» порядок в виде публичного признания лица своей несостоятельности. Именно это предоставленное законодателем право лица заключало в себе возможность злоупотреблений, что и послужило основанием для квалификации фиктивного банкротства в качестве уголовного преступления.

При этом Уголовный кодекс 1996 года, до внесения в него соответствующих поправок, устанавливал уго-

ловную ответственность не только за заведомо ложное **публичное** объявление лица о своей несостоятельности, но и за любого рода распространение недостоверной информации о своей финансовой состоятельности.

Однако существующие в настоящее время механизмы превенции правонарушений должника фактически устраняют саму возможность совершения такого преступления: действующим законодательством установлен только один способ установления несостоятельности лица — это судебный порядок признания лица банкротом, при этом обязательным условием движения дела о банкротстве является проведение экспертизы на наличие признаков фиктивного банкротства.

Таким образом, само по себе публичное объявление юридическим лицом о своей несостоятельности, не являясь действием юридически значимым с точки зрения возникновения правовых последствий, в том числе в виде причинения материального ущерба, не может служить основанием для возбуждения уголовного дела в отношении руководителя или учредителя должностного лица, поскольку не содержит события преступления.

Аналогичную точку зрения высказывают, например, председатель Верховного Суда РФ, д. ю. н., проф. В. М. Лебедев, отмечая, что «публичное объявление банк-

ротом по действовавшему ранее законодательству о банкротстве влекло такие юридические последствия, которые сейчас не наступают» [6], д. ю. н., проф. Г. А. Есаков, указывающий на то, что «преступление, описанное в ст. 197 УК, в настоящий момент невозможно совершить» [7].

Последствия от публичного объявления юридического лица о своей несостоятельности могут выражаться в репутационных рисках хозяйствующего субъекта и связанных с ними потерей потенциальных контрактов, отказе контрагентов от заключения сделок, досрочном прекращении заключенных договоров и предъявлении требований кредиторов — иными словами, к упущенной выгоде самого юридического лица.

В силу таких потенциальных последствий объявление участника экономических отношений о своей несостоятельности несет в себе определенную общественную опасность.

В этой связи представляется целесообразным сохранение запрета на совершение таких действий в КоАП РФ.

Однако наличие состава фиктивного банкротства в уголовном законе при фактической невозможности совершения такого преступления представляется неактуальной мерой, в связи с чем фиктивное банкротство следует декриминализовать.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/, (дата обращения 03.10.2022)
2. Апелляционное постановление Свердловского областного суда от 05.07.2016 по делу № 22–4682/2016, [Электронный ресурс]. URL: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=1961972, (дата обращения 05.10.2022)
3. «Методические рекомендации по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства» утв. ФССП России 15.04.2013 N 04–4, [Электронный ресурс]. URL: <https://r45.fssp.gov.ru/methodical/?print=1>, (дата обращения 05.10.2022)
4. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 08.04.2016 по делу № 22–799/2016, [Электронный ресурс], URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOUR&n=99960#dBz4eKTUHOQoAbdw>, (дата обращения 06.10.2022)
5. Закон Российской Федерации от 19.11.1992 № 3929–1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий», [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1250/, (дата обращения 14.10.2022)
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Г. Н. Борзенков, А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова и др.; отв. ред. В. М. Лебедев. 13-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013, [Электронный ресурс]. URL: <https://urait.ru/viewer/kommentariy-k-ugolovnomu-kodeksu-rf-v-4-t-tom-2-osobennaya-chast-razdely-viii-470326#page/2>, (дата обращения 09.09.2022)
7. «Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации» (постатейный) / под ред. Г. А. Есакова, 9-е издание, перераб. и доп. М.: Проспект, 2021, [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/kommentarij_uk_rf_esakov/, (дата обращения 12.09.2022).

Основные проблемы, возникающие при ликвидации юридических лиц

Левихина Ирина Леонидовна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье систематизированы проблемы ликвидации юридических лиц, предложена их классификация, обозначены «пробелы» и коллизии, возникающие в процессе ликвидации юридических лиц.

Ключевые слова: ликвидация юридических лиц, проблемы ликвидации, ликвидационная комиссия, доктрина гражданского права.

Ежегодно в России прекращают свою деятельность множество предприятий различной организационно-правовой формы. Причины ликвидации юридических лиц весьма разнообразны, ликвидация юридических лиц может быть как добровольной, так и принудительной. В настоящее время вопросы, касающиеся ликвидации юридических лиц стоят особенно остро, так как в современной ситуации наблюдается существенный рост закрытия организаций.

Так, в 2021 г. количество ликвидированных организаций составило 413,2 тыс., в то время как зарегистрировано было 239,7 тыс. организаций [1]. По данным Федеральной налоговой службы России, за весну 2022 г. закрылось на треть больше компаний, чем открылось [2]. Таким образом, по состоянию на 1 июня 2022 г. количество юридических лиц в России на 5,8% меньше — по сравнению с аналогичным периодом 2021 г. При этом, независимо от причин и оснований ликвидации юридических лиц, в российской гражданско-правовой доктрине и практике существует ряд проблем, которые осложняют процесс ликвидации юридических лиц, пролонгируют данный процесс, влекут неоднозначность применения норм права в различных случаях.

В данной статье рассмотрены и систематизированы основные проблемы, возникающие при ликвидации юридических лиц.

В целом, представляется целесообразным классифицировать (сгруппировать) все проблемы, возникающие при ликвидации юридических лиц следующим образом — доктринальные проблемы, проблемы, связанные с коллизиями в праве, практические проблемы — проблемы правоприменения, в том числе и судебной практики.

Базовыми проблемами, из которых вытекают и иные, можно считать проблемы отсутствия единой дефиниции ликвидации юридических лиц и правовой природы института ликвидации обществ.

Дело в том, что закрепленное в законодательстве понятие ликвидации юридического лица не раскрывает правовую природу данного института, не содержит указаний на его характерные черты. Такое положение привело к дискуссиям в правовой доктрине относительно правовой природы и характеристики ликвидации юридических лиц, в том числе проблемой самостоятельности института ликвидации и института банкротства — их взаимосвязи и отличия.

В п. 1 ст. 61 Гражданского кодекса РФ указано, что: «ликвидация юридического лица влечет его прекращение

без перехода в порядке универсального правопреемства его прав и обязанностей к другим лицам» [3]. Из данной правовой нормы следует, что ликвидация юридического лица обозначает полную потерю им правосубъектности, прекращение всех прав и обязанностей, без какой-либо передачи их. Таким образом, актуально говорить о прекращении правосубъектности как об основном критерии ликвидации юридического лица.

При этом, законодательное определение недостаточно точно выражено, можно сказать, что оно определяет больше следствие ликвидации, чем сам этот институт. Кроме того, цитируемая формулировка не отражает характерных черт ликвидации юридических лиц, что и привело к неоднозначности трактования данного понятия в российской доктрине гражданского права и вытекающих из этого проблем практики правоприменения.

Следующей проблемой, которую отнесем уже к правовой, является неоднозначность статуса ликвидационной комиссии.

Дело в том, что при ликвидации юридического лица (в любом случае и вне зависимости от оснований ликвидации) назначается ликвидационная комиссия (ликвидатор). При этом, существует коллизия правовых норм, а именно норм ст. 62 и 63 ГК РФ. Так, согласно п. 1 ст. 62 ГК РФ, учредители (участники) общества в течение трех рабочих дней со дня принятия решения о ликвидации, обязаны уведомить о принятом решении регистрирующий орган, в целях внесения в единый государственный реестр юридических лиц записи о том, что данное общество находится в процессе ликвидации [3]. В то же время, в соответствии с положениями п. 1 ст. 63 ГК РФ, за ликвидационной комиссией сохраняются также полномочия по опубликованию соответствующего сообщения о ликвидации общества и о порядке и сроках предъявления требований кредиторами.

Итак, можно обозначить некоторую коллизию приведенных выше норм ГК РФ, которая нуждается в разрешении, так как в определенной степени влечет за собой отсутствие разграничений полномочий участников юридического лица и ликвидационной комиссии, что зачастую приводит к проблемам удовлетворения требований кредиторов, публикации надлежащих сведений. Положения статей 62 и 63 ГК РФ, которые дублируют полномочия учредителей (участников) и ликвидационной комиссии (ликвидатора) — необходимо привести в соответствие, во избежание проблем в практике правоприменения при ликвидации юридических лиц.

Отсутствие четкого законодательного обозначения статуса ликвидационной комиссии (обозначены лишь принципы ее деятельности, отдельные полномочия и обязанности) привело к неоднозначности понимания того, является ли ликвидационная комиссия органом управления ликвидируемым юридическим лицом.

Ряд авторов, например, Шапкина Г. С., говорит о том, что ликвидационная комиссия представляет собой специфичный орган управления юридическим лицом [4, с. 70–71]. Специфика ликвидационной комиссии как органа управления компанией заключается в первую очередь в том, что при нормальных условиях функционирования организации ликвидационной комиссии не существует, создается же она именно при закрытии юридического лица. При этом, несмотря на особое положение ликвидационной комиссии, при ликвидации юридических лиц, по мнению сторонников данного подхода, она (комиссия) является органом управления организацией.

Такой подход представляется не в полной мере корректными, так как ликвидационная комиссия не заменит собой иные органы управления организацией, а создается для выполнения ряда функций.

Другие авторы не рассматривают ликвидационную комиссию в качестве органа управления, пусть и специфичного, юридического лица. Такая позиция основывается на том, что ликвидационная комиссия создается на четко обозначенный срок, не обладает самостоятельной компетенцией, а ее создание не влечет за собой упразднение иных органов управления организацией [5, с. 166–167].

Представляется более актуальной позиция, при которой ликвидационная комиссия определяется как вспомогательный орган при ликвидации юридического лица. С одной стороны, при этом не отрицается наличие у данной комиссии определенных управленческих полномочий (например, определение расчетов с кредиторами, обязанность публикаций и рассылки уведомлений о ликвидации, проведение согласований с налоговыми органами и так далее). При данном подходе обозначается целевой характер деятельности ликвидационной комиссии, ограниченность ее существования во времени (на период ликвидации конкретного юридического лица).

Существует и ряд проблем в случае ликвидации юридических лиц в судебном порядке. Одной из основных может быть обозначена проблема принятия судебного решения о ликвидации юридического лица в случае отсутствия его по юридическому адресу и при невозможности связаться с ним — его представителями. Напрямую в законодательстве решение подобной ситуации не регламентировано, что обозначает актуальность принятия соответствующей правовой нормы.

Для понимания того, как в настоящее время решается данная проблема, обратимся к судебной практике.

В случае отсутствия организации по адресу регистрации (указанному в ЕГРЮЛ) и невозможности связаться с ней (соответственно представителями), в практике арбитражных судов иски о ликвидации таких юридических лиц удовлетворяются, если проведенной

налоговым органом проверкой установлен факт отсутствия организации по адресу, указанному в ЕГРЮЛ.

Данное положение развивается и в Постановлении Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 61 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с достоверностью адреса юридического лица», где говорится о том, что отсутствие юридического лица по месту регистрации в данном случае квалифицируется как предоставление недействительных сведений. В рассматриваемом случае налоговый орган внес соответствующую запись в ЕГРЮЛ и на основании этого и в итоге было принято решение о ликвидации [6].

Такая судебная практика позволяет снизить количество злоупотреблений законом и уклонений юридических лиц (недобросовестных) от ликвидации и соответствующих обязательств (в первую очередь перед своими кредиторами). Простой «переезд» на иной адрес не является причиной судебного отказа в ликвидации юридического лица и соответственно сокрытие адреса не актуально именно для злоупотребления законом и отклонения от принудительной ликвидации.

При этом, законодательное урегулирование обозначенного вопроса остается актуальным, в силу того что зачастую суды первой инстанции отказывают в ликвидации юридических лиц, не находящихся по адресу регистрации, и налоговым органам требуется обращение в вышестоящие судебные инстанции.

Ведь допущенные обществом малозначимые или «несерьезные» нарушения не должны становиться поводом злоупотребления правом этим обществом.

В то же время принудительная ликвидация налоговым органом юридического лица должна являться необходимой мерой в случае, когда обращение в суд с требованием о ликвидации юридического лица является единственной доступной мерой ответственности для лица, потому как другие методы привлечения к ответственности не смогли принести соответствующий результат. С этим следует установить баланс интересов, и когда возможно, позволить организациям предпринять меры по восстановлению своих прав, а именно устранить имеющиеся нарушения, которые позволят прекратить принудительную ликвидацию юридического лица [7, с. 121–122].

Обозначенные проблемы ликвидации юридических лиц являются значимыми и распространенными, однако, существует и ряд иных проблем, возникающих при ликвидации организаций, например: проблема последовательности выплат кредиторам, действий при невозможности таких выплат, обусловленная правовыми «пробелами», а также отсутствием четкого разграничения понятий ликвидации и банкротства в российском гражданском праве; проблема распределения имущества между учредителями — после погашения требований кредиторов, проблемы согласования полномочий ликвидационной комиссии с органами управления и другие.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что институт ликвидации юридических лиц в российском

гражданском праве нуждается в доработке — в ряде законодательных норм и коллизий, что должно привести к со-

кращению количества проблем, также спорных вопросов как в правовом поле, так и практике правоприменения.

Литература:

1. Социально-экономическое положение России, 2021 год. — Текст: электронный // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. — URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 17.10.2022).
2. Статистика по государственной регистрации. — Текст: электронный // Федеральная налоговая служба РФ: [сайт]. — URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/regstats/ (дата обращения: 17.10.2022).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // «Собрание законодательства РФ». — 1994. № 32. ст. 3301.
4. Г. С. Шапкина Новое в российском акционерном законодательстве // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. — 2002. — № 2. с. 67–78.
5. И. С. Шиткина, Е. Г. Афанасьева, В. А. Вайпан, Е. П. Губин Корпоративное право: учебный курс. В 2 т. — М.: Статут, 2017. — 990 с.
6. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 61 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с достоверностью адреса юридического лица» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [сайт]. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.10.2022).
7. А. А. Саргсян Гражданско-правовое регулирование процедуры ликвидации хозяйственных обществ в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет». — М, 2017. — 197 с.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Соотношение формы договора банковского счета с овердрафтом и кредитного договора

Кулешова Маргарита Сергеевна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

Овердрафт является стандартным условием договора банковского счета, хотя и не связан напрямую с использованием дебетовой карты, как следствие, возникает проблема действительности кредитного договора, основанного на кредитовании счета, если к этим условиям держатель карты не присоединился, заключив только основной договор. Поскольку договор обслуживания дебетовой карты с условием об овердрафте является смешанным, обоснованным было бы признавать кредитный договор из основного договора заключенным только при соблюдении отдельной письменной формы, поскольку только в этом случае пользователь дебетовой карты выражает согласие с условиями овердрафта. С правовой точки зрения наиболее обоснованным способом разрешения проблемы формы кредитного договора при овердрафте было бы установление специальной нормы о необходимости согласования условия кредитования банковского счета отдельным договором, что может быть сделано в порядке присоединения к стандартным условиям.
Ключевые слова: кредитный договор, овердрафт, дебетовая карта, кредитование банковского счета, форма договора.

Кредитование выступает одним из механизмов перераспределения финансовых ресурсов в масштабах экономики, но на индивидуальном уровне вступление в данные правоотношения должно быть обусловлено взаимным интересом банка и заемщика, при этом стороны не ограничены обязательным соблюдением требований к форме кредитного договора как отдельного соглашения. С развитием банковского бизнеса, а, вслед за ним, и гражданского права, создается возможность кредитования на основе банковских карт, в том числе, с условием овердрафта, когда кредит предоставляется банком под условием, которым является несоответствие остатков на дебетовой карте фактическому расходованию средств. Использование этой возможности должно быть обусловлено волеизъявлением держателя карты, поскольку условие об овердрафте имеет только вспомогательное значение, основная ценность банковского продукта в виде использования дебетовой карты связана с проведением расчетов. Вполне обоснованным было бы признание необходимости включения специальных условий о кредитовании счета в основной договор, которыми держатель карты может воспользоваться только по своему желанию, либо отказаться от такой возможности. Это соответствует проблеме формы договора, поскольку непосредственное заключение договора обслуживания дебетовой карты еще не означает присоединения к условиям овердрафта.

Между тем, с правовой точки зрения, возможность овердрафта без желания держателя карты может основываться на положениях п. 1 ст. 850 ГК РФ [1], если условием договора банковского обслуживания такая возмож-

ность предусмотрена. Фактически, кредитный договор заключается с банком в силу основного договора банковского счета, если выполняется условие о несоответствии остатков по дебетовой карте расходованию средств, но в этом случае может возникать несоответствие между фактическим волеизъявлением держателя карты и результатом. Даже при осведомленности о возможности овердрафта, предусмотренной п. 1 ст. 850 ГК РФ и стандартными условиями договора обслуживания дебетовой карты, к которым ее держатель вынужден присоединиться, использование этой дополнительной возможности должно быть обусловлено не только фактическими действиями лица, но и соблюдением требований к форме договора. Иначе говоря, держатель карты должен фактически предполагать осуществление большего объема платежей в сравнении с остатком.

Договор с условием овердрафта, фактически, является смешанным, поскольку допускает заключение кредитного договора, помимо обслуживания дебетовой карты, но, в случае реализации дополнительной возможности кредитования счета, должны выполняться требования ст. 820 ГК РФ о письменной форме кредитного договора. В силу п. 48 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 49 [2], к правоотношениям из смешанного договора должны применяться нормы об отдельных видах договорных обязательств. Поэтому кредитный договор, если условия овердрафта не были прямо согласованы между сторонами договора банковского счета, должен признаваться незаключенным вследствие несоответствия требованиям к форме. Возникает противоречие, имеющее практический характер.

Например, у пользователя дебетовой карты неверно отобразился остаток по счету, поэтому он превысил этот остаток, хотя и не предполагал использования овердрафта. Банк потребовал оплаты суммы кредита, держатель карты возражал. Первоначально требование банка было удовлетворено, но в последующем дело было направлено на новое рассмотрение [5].

Держатель карты присоединился к условиям обслуживания банковского счета, которыми была предусмотрена возможность овердрафта. Договора о кредитовании счета он не заключал, к отдельным условиям овердрафта не присоединился, как следствие, и кредитный договор заключен не был. В случае овердрафта как способа заключения кредитного договора держатель карты должен присоединиться не только к условиям обслуживания счета, но и к условиям его кредитования.

Подтверждением служит пример, когда держатель карты внес сумму в 465 тыс. руб., фактически, она была зачислена дважды, отобразился дополнительный остаток в 930 тыс. руб. В последующем банк потребовал оплаты кредитного договора, но пользователь дебетовой карты с этим не согласился. Первоначально требование банка было удовлетворено, в последующем дело направлено на новое рассмотрение [4]. Основанием послужило несоблюдение письменной формы кредитного договора, поскольку держатель карты присоединился к условиям ее обслуживания, а не к специальным правилам овердрафта, которые могли бы признаваться надлежащей формой кредитного договора. Также указывалось на смешанный ха-

актер договора, поскольку кредитование выступает отдельным видом договорных обязательств.

В непосредственном содержании наиболее обоснованным было бы квалифицировать условие об овердрафте именно как возможность, использование которой зависит от держателя карты и может быть реализовано только на основе соглашения, поскольку сама возможность предоставления овердрафта является частью стандартных условий обслуживания дебетовых карт.

Наличие проблемы формы кредитного договора при овердрафте подтверждает ситуация, когда держатель карты, не предполагая, что превышает остаток, совершил оплату, в последующем банк потребовал исполнения кредитного договора, но держатель карты возражал, указывая на отсутствие согласия с условием об овердрафте. Первоначально требование банка было удовлетворено, в последующем дело также отправлено на новое рассмотрение. Основанием послужило несоблюдение формы кредитного договора [3].

Наиболее обоснованным решением проблемы было бы установление специального правила кредитования счета, в соответствии с которым для использования этой возможности, даже если она включена в стандартные условия обслуживания дебетовой карты, должно быть заключено отдельное соглашение. Это может быть как согласование условий кредитования счета, так и присоединение к стандартным правилам овердрафта, но, в любом случае, пользователь дебетовой карты должен однозначно выражать свое волеизъявление на использование возможности овердрафта.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022)//СЗ РФ. — 29.01.1996. — N 5. — ст. 410.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора»//Бюллетень Верховного Суда РФ. — N 2. — февраль. — 2019.
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.02.2019 N 44-КГ18-27//КонсультантПлюс.
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.01.2021 N 5-КГ20-134-К2//КонсультантПлюс.
5. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15.09.2021 N 88-19862/2021//КонсультантПлюс.

Специфика исключительного права на географическое указание и наименование места происхождения товара

Орехова Светлана Дмитриевна, студент магистратуры
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В статье автор старается раскрыть вопрос специфики прав, возникающих на такие средства индивидуализации как географическое указание и наименование места происхождения товара.

Ключевые слова: *исключительное право, географическое указание, наименование места происхождения товара, средства индивидуализации.*

В 2020 году были внесены поправки в Гражданский Кодекс Российской Федерации, результатом которых стало появление в российском законодательстве нового объекта интеллектуальной собственности — географического указания, который наравне с наименованием места происхождения товара, позволяет идентифицировать товары как происходящие с территории конкретного региона.

Использование рассматриваемых средств индивидуализации имеет многовековую историю. Именно указание на территорию происхождения изготовителя и, соответственно, товара позволяло потребителям различать изделия одного и того же вида и назначения, происходящие из разных географических местностей [1, с. 206].

Географические указания и наименования мест происхождения позволяют эффективно использовать уникальные в географическом отношении свойства продукции, а также информировать и привлекать внимание потребителей. В современном мире эти объекты являются действенным инструментом развития национальных экономик, поскольку использование таких средств индивидуализации позволяет повысить престиж национальных производителей.

По российскому законодательству географическое указание и наименование места происхождения товара являются равнозначными средствами индивидуализации, которые отличаются критериями предоставления правовой охраны. Главным отличием географического указания от наименования места происхождения товара является возможность осуществлять на территории данного географического объекта не все стадии производства товара, оказывающие существенное влияние на формирование особых свойств товара, а хотя бы одну из них [2, ст. 1516]. Такой подход помогает снизить нагрузку на территорию географического объекта, а также максимально выгодно обустроить производство.

На результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации признаются интеллектуальные права [3, ст. 1226]. Одной из сопоставляющих названного права является исключительное право.

Исключительное право представляет собой возможность правообладателя использовать объект интеллектуальной собственности по своему усмотрению любым не противоречащим закону способом. Правообладатель может распоряжаться исключительным правом на средство индивидуализации [4, ч. 1, ст. 1229].

При создании объекта интеллектуальной собственности у правообладателя возникает ряд уникальных полномочий. Например, правообладатель может по своему усмотрению разрешать или запрещать другим лицам использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации. При этом законодатель отдельно указывает, что отсутствие запрета не считается согласием [5, ч. 1, ст. 1229].

Возникает вопрос что же здесь исключительного, если приведение полномочия напоминают об известном триедином содержании права собственности — владения, пользования и распоряжения.

В ответ на это в доктрине можно встретить понятие «легальная монополия» в отношении исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности. Необходимо отметить, что вокруг этого термина не утихает дискуссия, связанная с вопросом возможности его использования, аргументы обеих противоборствующих сторон имеют место быть. Однако автор оставит решение этого вопроса для последующих научных изысканий. В настоящей статье нас интересует возникающее право на географическое указание и наименование места происхождения товара. Можно ли считать его исключительными или в отношении этого права необходимо использовать другой термин? Попробуем ответить на этот вопрос.

Исключительное право на географическое указание и наименование места происхождения товара может возникать у разных правообладателей независимо друг от друга. То есть законодатель допускает множественность правообладателей, каждый из которых самостоятелен в своих действиях. Эта особенность права приводит к ограничению исключительного характера права каждого правообладателя. Правообладатели де-факто не обладают всеми полномочиями исключительного права, например, они не могут запрещать другим лицам производить продукцию, не могут осуществлять распоряжение этим правом.

Несмотря на то, что законодатель устанавливает возможность принадлежности исключительного права на различные объекты интеллектуальной собственности нескольким лицам совместно и, соответственно, в рамках такого совместного обладания каждый из правообладателей может использовать объект интеллектуальной собственности по своему усмотрению, взаимодействие между такими правообладателями происходит чаще всего в рамках соглашения между ними [6, ч. 3, ст. 1229]. Такой формат взаимодействия не распространен между право-

обладателями географического указания и наименования места происхождения товара, так как каждый из них независим друг от друга.

Гражданским кодексом Российской Федерации предусмотрено, что доходы от совместного использования средства индивидуализации распределяются между всеми правообладателями в равных долях, если соглашением между ними не предусмотрено иное [7, ч. 3, ст. 1229]. Это положение не применимо к географическим указаниями и наименованиям места происхождения товара, ведь опять же правообладатели этих объектов могут даже не быть знакомы с друг другом, каждый из них ведет свою деятельность самостоятельно.

Важно отменить, что исключительное право на географическое указание и наименования места происхождения товара может быть предоставлено объединению лиц, однако даже в таком случае право использования таких объектов предоставляется каждому лицу, являющемуся членом этого объединения, при условии, что такое географическое указание используется в отношении товара, обладающего характеристиками, указанными

в Государственном реестре указаний и наименований [8, ч. 1, ст. 1519].

Можно ли считать, что наличие ограничений в праве правообладателей рассматриваемых объектов является препятствием к пониманию возникающего права как исключительное? Автора считает, что нет. Ограничения есть и будут всегда, так как они позволяют достичь баланса интересов между участниками отношений, между правообладателями и обществом и так далее. Даже при освоении школьной программы ученики изучают правила, а после исключения из него.

Создание новых понятий, для описания уже существующих процессов и явлений, пусть и с некоторыми отличиями, ведет к ненужному усложнению правового регулирования. Безусловно, можно ввести в законодательство новое понятие, которым объяснить специфику возникающего права. Тогда подобный подход нужно будет применять и к другим схожим ситуациями, по итогу получится нормативно-правовой документ, наводненный множеством понятий, их определений без какого-либо единства и понимания связи между объектами.

Литература:

1. Право интеллектуальной собственности: учебник / А. С. Ворожевич, О. С. Гринь, В. А. Корнеев и др.; под общ. ред. Л. А. Новоселовой. М.: Статут, 2018. Т. 3: Средства индивидуализации. 432 с.
2. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006 г., — № 52 (часть III). Ст. 1516.
3. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006 г., — № 52 (часть III). Ст. 1226.
4. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006 г., — № 52 (часть III). Ст. 1229, ч. 1.
5. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006 г., — № 52 (часть III). Ст. 1229, ч. 1.
6. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006 г., — № 52 (часть III). Ст. 1229, ч. 3.
7. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006 г., — № 52 (часть III). Ст. 1229, ч. 3.
8. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006 г., — № 52 (часть III). Ст. 1519, ч. 1.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Подразделение транспортной безопасности как субъект правоохранительной деятельности

Дзусов Руслан Сергеевич, студент
Тольяттинский государственный университет (Самарская обл.)

Автор работы ставит цель — ответить на вопрос: корректно ли говорить о подразделении транспортной безопасности как о правоохранительном органе? Или более корректно применять в отношении подразделения транспортной безопасности другое определение?

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач, а именно:

- привести основные законодательно закрепленные определения, касающиеся вопросов транспортной безопасности и деятельности подразделений транспортной безопасности (далее в работе — ПТБ);
- рассмотреть наиболее значимые (для достижения цели данной работы) правовые нормы в области транспортной безопасности;
- привести примеры деятельности ПТБ, выполнение работниками ПТБ отдельных функций, характерных для т. н. правоохранительных органов (например: некоторых подразделений МВД РФ);
- отметить степень законодательной закрепленности понятий «правоохранительная деятельность» и «правоохранительный орган», привести точку зрения, которая по мнению автора работы, традиционно сложилась по поводу содержания данных понятий;
- по результатам выполненных задач сделать собственные выводы, ответить на основной вопрос, поставленный автором в начале работы.

В процессе выполнения работы автор провел анализ законодательства Российской Федерации, в т. ч. Конституции РФ, Уголовного кодекса Российской Федерации; Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях; Федерального закона от 09.02.2007 № 16 ФЗ «О транспортной безопасности», других правовых актов, в той или иной степени затрагивающих вопросы транспортной безопасности и работы подразделений транспортной безопасности.

Актуальность данной работы обусловлена непростой внешнеполитической обстановкой и необходимостью обеспечения безопасности, в т. ч. транспортной безопасности.

По мнению автора работы, обеспечение транспортной безопасности — явление сложное, включающее, в числе прочего, как деятельность работников, непосредственно обеспечивающих транспортную безопасность — работников ПТБ, так и отношение общества к данной деятельности, осознание необходимости и важности выполнения требований в области транспортной безопасности.

Так, при посещении объектов транспортной инфраструктуры (например, вокзальных комплексов) пассажиры и посетители таких объектов в целях обеспечения транспортной безопасности выполняют определенные требования, которые содержатся в действующем законодательстве РФ (проходят мероприятия по досмотру физических лиц, мероприятия по досмотру багажа и личных вещей, мероприятия по сверке документов и др.) [5, 9].

По мнению автора, для достижения целей транспортной безопасности (приведены далее в работе) очень важна не только качественная работа ПТБ, но и добросовестное выполнение требований транспортной безопасности другими лицами (пассажирами, посетителями, другими работниками объекта транспортной инфраструктуры и др.).

Определение «транспортная безопасность» зафиксировано в п. 10 ст. 1 Федерального закона Российской Федерации от 09.02.2007 № 16 ФЗ «О транспортной безопасности», согласно которому «транспортная безопасность — состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства [5]».

Цели транспортной безопасности содержатся в ст. 2 данного Федерального закона, ими являются: «устойчивое и безопасное функционирование транспортного комплекса, защита интересов личности, общества и государства в сфере транспортного комплекса от актов незаконного вмешательства [5]».

Правовую основу деятельности ПТБ составляют Конституция Российской Федерации, Федеральный закон Российской Федерации от 09.02.2007 № 16 ФЗ «О транспортной безопасности», другие правовые акты [1, 5, 9].

Согласно п. 7.1 ст. 1 Федерального закона Российской Федерации от 09.02.2007 г. № 16 ФЗ «О транспортной без-

опасности» ПТБ «осуществляют защиту транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства... [5]».

Определение акта незаконного вмешательства (далее в работе — АНВ) законодательно закреплено и содержится в п. 1 ст. 1 вышеуказанного Федерального закона, а именно: «противоправное действие (бездействие), в том числе террористический акт, угрожающее безопасной деятельности транспортного комплекса, повлекшее за собой причинение вреда жизни и здоровью людей, материальный ущерб либо создавшее угрозу наступления таких последствий [5]».

Исходя из вышесказанного, содержания определений «транспортная безопасность», «цели транспортной безопасности», «подразделение транспортной безопасности» (ПТБ), «акт незаконного вмешательства» (АНВ), содержащихся в действующем законодательстве, становится понятно, что ПТБ защищает объекты транспортной инфраструктуры и транспортные средства от АНВ [5].

Акт незаконного вмешательства может содержать признаки того или иного преступления или административного правонарушения.

Традиционно (в повседневной жизнедеятельности, в репортажах СМИ, в некоторой юридической литературе) деятельность по защите от преступлений и административных правонарушений, их недопущение, пресечение и выявление принято называть «правоохранительной деятельностью», а структуры, которые занимаются подобной деятельностью — «правоохранительными органами». В связи с этим возникает вопрос: корректно ли применение указанных определений в отношении ПТБ?

Для ответа на поставленный вопрос считаем необходимым подробнее остановиться на деятельности ПТБ.

В целях обеспечения транспортной безопасности, в соответствии с положениями Федерального закона от 09.02.2007 № 16 ФЗ «О транспортной безопасности», предусмотрено осуществление ряда мероприятий, в том числе: досмотра, дополнительного досмотра, повторного досмотра, наблюдения и собеседования [5].

Содержание мероприятий, проводимых в ходе досмотра, дополнительного досмотра, повторного досмотра, наблюдения и собеседования отражено в ст. 12.2 Федерального закона Российской Федерации от 09.02.2007 № 16 ФЗ «О транспортной безопасности». В числе этих мероприятий:

- «обследование физических лиц, транспортных средств, грузов, багажа, почтовых отправлений, ручной клади и личных вещей, находящихся у физических лиц, иных материальных объектов, направленные на обнаружение предметов и веществ, имеющих внешние признаки схожести с оружием, взрывчатыми веществами или другими устройствами, предметами и веществами, в отношении которых установлены запрет или ограничение на перемещение в зону транспортной безопасности или ее часть и (или) которые могут быть использованы для совершения актов незаконного вмеша-

тельства, а также на выявление лиц, транспортных средств, для допуска которых в зону транспортной безопасности или ее часть не имеется правовых оснований [5]»;

- «выявление физических лиц, в действиях которых усматриваются признаки подготовки к совершению актов незаконного вмешательства, а также на обнаружение транспортных средств и иных материальных объектов, которые могут быть использованы для совершения акта незаконного вмешательства [5]».

Отметим, что в соответствии с ч. 7, ч. 8 ст. 12.2 указанного Федерального закона при проведении обозначенных выше мероприятий используются технические средства обеспечения транспортной безопасности: «рентгенотелевизионные, радиоскопические установки, стационарные, переносные и ручные металлодетекторы, газоаналитическая и химическая аппаратура, а также другие устройства, обеспечивающие обнаружение оружия, взрывчатых веществ или других устройств, предметов и веществ, в отношении которых установлены запрет или ограничение на перемещение в зону транспортной безопасности или ее часть, другие технические средства [5]».

Следует обратить внимание на п. 10 ст. 12.2 Федерального закона «О транспортной безопасности». Согласно ему, «в случае распознавания в ходе досмотра в целях обеспечения транспортной безопасности оружия, боеприпасов, патронов к оружию, взрывчатых веществ или взрывных устройств, ядовитых или радиоактивных веществ при условии отсутствия законных оснований для их ношения или хранения либо в случае выявления лиц, не имеющих правовых оснований для прохода (проезда) в зону транспортной безопасности или ее часть»... о данных фактах незамедлительно информируются соответствующие подразделения внутренних дел и подразделения обеспечения безопасности РФ» [5].

Подобные положения закона, по мнению автора работы, наделяют работников ПТБ отдельными полномочиями, традиционно присущими так называемым правоохранительным органам и возлагает отдельные функции правоохранительных органов, а именно: полномочия и функции по предупреждению, пресечению и выявлению отдельных составов преступлений и административных правонарушений.

В связи с вышесказанным, считаем нужным рассмотреть некоторые составы преступлений, которые могут содержать признаки АНВ, привести соответствующие примеры.

Что касается составов преступлений, предусмотренных ст. 205 УК РФ «Террористический акт» (закреплен в определении АНВ), то их родовым объектом являются охраняемые законом общественные отношения в области общественной безопасности и общественного порядка.

Видовой объект таких составов преступлений — охраняемые законом общественные отношения в области общественной безопасности.

В случае наличия признаков состава преступления, предусмотренных ч. 1 ст. 205 УК РФ [2]:

- основным непосредственным объектом преступления будут являться общественные отношения, связанные с независимой, стабильной деятельностью органов власти или международных организаций, принятием ими решений;
- дополнительным непосредственным объектом — общественные отношения в области безопасности жизни, здоровья человека, собственности, иные общественные отношения, которым причинен вред.

В качестве санкции за совершение подобного деяния (ч. 1 ст. 205 УК РФ) предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от десяти до пятнадцати лет [2].

В соответствии со ст. 15 УК РФ по характеру и степени общественной опасности такое преступление отнесено к особо тяжким преступлениям [2].

Рассмотрим другую ситуацию и соответствующий состав преступления: в процессе проведения работниками ПТБ досмотровых мероприятий в целях обеспечения транспортной безопасности у гр. Н обнаружено и распознано огнестрельное оружие, боеприпасы. У гр. Н отсутствуют правовые основания на их хранение и ношение. Кроме того, что в соответствии с правилами проведения досмотра подобные предметы не допускаются в зону транспортной безопасности без наличия соответствующих правовых оснований, в подобных действиях гр. Н усматриваются признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК РФ «Незаконные приобретение, передача, хранение, перевозка пересылка или ношение огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему»... [2, 5, 9].

Таким образом, работники ПТБ в процессе выполнения своих обязанностей по обеспечению транспортной безопасности, проведении досмотровых мероприятий выявляют гр. Н в действиях которого усматриваются признаки вышеуказанного состава преступления.

Родовым объектом данного преступления являются охраняемые законом общественные отношения в области общественной безопасности и общественного порядка.

Видовой объект такого преступления — охраняемые законом общественные отношения в области общественной безопасности.

Непосредственный объект преступления — общественные отношения, связанные с правилами законного приобретения, передачи, хранения, перевозки, пересылки или ношению огнестрельного оружия его основных частей и боеприпасов к нему.

В качестве санкции за совершение деяния, содержащего данный состав преступления предусмотрено наказание в т. ч. в виде лишения свободы на срок от трех до пяти лет [2].

В соответствии со ст. 15 УК РФ по характеру и степени общественной опасности такое преступление может быть отнесено к преступлениям средней тяжести [2].

Другими подобным примером могут быть обнаружение и распознавание в ходе проведения досмотровых мероприятий в целях обеспечения транспортной безопасности крупнокалиберного огнестрельного оружия и боеприпасов к нему. Данные предметы, так же, как и в первом случае, не допускаются в зону транспортной безопасности без наличия соответствующих правовых оснований. Кроме этого, в действиях лица, в багаже которого обнаружены данные предметы, усматриваются признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222.2 УК РФ. Таким образом, работники ПТБ выявляют лицо, в чьих действиях усматриваются признаки состава указанного преступления [2, 5, 9].

Родовой и видовой объекты такого преступления будут теми же, что и в предыдущем случае.

Непосредственным объектом такого преступления являются общественные отношения, связанные с правилами законного приобретения, передачи, хранения, перевозки, пересылки или ношения крупнокалиберного огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему.

В качестве санкции за совершение деяния, содержащего данный состав преступления предусмотрено наказание в т. ч. в виде лишения свободы на срок от трех до шести лет [2].

В соответствии со ст. 15 УК РФ по характеру и степени общественной опасности, деяние, содержащее состав данного преступления может быть отнесено к тяжкому преступлению [2].

Рассмотрим еще одну ситуацию, при которой в процессе проведения работниками ПТБ планового обхода территории объекта транспортной инфраструктуры в целях обеспечения транспортной безопасности, выявлены гр. К и гр. М., которые намереваются проникнуть в зону транспортной безопасности минуя установленные КПП (пункты досмотра), поскольку имеют умысел на совершение кражи с территории объекта транспортной инфраструктуры, при себе имеют слесарный инструмент, который намереваются использовать в качестве орудия совершения преступления и не хотят быть замеченными на пункте досмотра. В данном случае, работники ПТБ пресекают действия гр. К и гр. М содержащие признаки покушения на преступление, предусмотренного ч. 2 ст. 158 УК РФ «Кража» (стадия покушения на преступление — ч. 3 ст. 30 УК РФ — «умышленные действия лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам») [2, 5].

Родовой объект данного преступления — охраняемые законом общественные отношения в сфере экономики.

Видовой объект такого преступления — общественные отношений в сфере собственности.

Непосредственный объект преступления — общественные отношения, связанные с конкретным правом собственности.

В качестве санкции за совершение деяния, содержащего данный состав преступления предусмотрено на-

казание в т. ч. в виде лишения свободы на срок до пяти лет [2].

В соответствии с нормами действующего уголовного законодательства за неоконченное преступление также предусмотрено наказание. В соответствии с ч. 3 ст. 66 УК РФ «срок или размер наказания за покушение на преступление не может превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания» ... предусмотренного за оконченное преступление. В связи с этим допустимо назначение наказания за совершение подобного деяния в виде лишения свободы сроком до трех лет и семи месяцев (не более трех четвертей максимального срока...) [2].

В соответствии со ст. 15 УК РФ по характеру и степени общественной опасности деяние, содержащее состав данного преступления может быть отнесено к преступлению средней тяжести [2].

Можно привести и другие примеры преступлений и административных правонарушений, которые содержат признаки АНВ исходя из его законодательно закрепленного определения [2, 4].

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что работники ПТБ в процессе своей профессиональной деятельности, защите объектов от АНВ имеют полномочия и выполняют функции в том числе и по предупреждению, пресечению и выявлению особо тяжких преступлений (например, в случае предупреждения, пресечения деяния содержащего признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205 УК РФ «Террористический акт»); тяжких преступлений (например, в случае пресечения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222.2 УК РФ), преступлений средней тяжести (например, в случае пресечения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК РФ; ч. 2 ст. 158 УК РФ), других преступлений и административных правонарушений, в том числе, содержащих признаки АНВ [2, 4, 5].

Исходя из вышесказанного, автор работы делает вывод о том, что, работники ПТБ в процессе своей профессиональной деятельности, защиты объектов от АНВ фактического недопущения, пресечения и выявления преступлений и административных правонарушений защищают и охраняют определенные общественные отношения, блага и интересы как государства так и отдельных лиц.

В связи с этим, постараемся ответить на основной вопрос, поставленный в работе: корректно ли говорить о ПТБ как о правоохранительном органе? Или же корректнее употреблять в отношении ПТБ иное определение?

Определения «правоохранительная деятельность» и «правоохранительные органы» в настоящее время не закреплены на законодательном уровне. На данный момент в законодательстве РФ отсутствуют четкие однозначные определения такой деятельности и таких органов.

Вместе с тем, исследователи предлагают свои критерии, позволяющие отнести тот или иной субъект правоотношений к правоохранительному органу.

Некоторые исследователи считают, что правоохранительную деятельность осуществляют только госу-

дарственные структуры. Согласно позиции других исследователей, правоохранительную деятельность могут осуществлять не только должностные лица государственных структур, но и иные организации и лица. Кроме того, существуют различные точки зрения по поводу объема функций того или иного субъекта правоотношений, позволяющего говорить о том является ли данный субъект правоохранительным органом или нет.

По нашему мнению, применение определения «правоохранительный орган» по отношению к ПТБ представляется не корректным, поскольку, хотя, как отмечено ранее в работе, ПТБ и выполняет определенные правоохранительные функции — не допускает, пресекает и выявляет противоправные деяния, которые могут содержать признаки того или иного преступления или административного правонарушения, являться АНВ, но, как нам представляется, определение «правоохранительный орган», исходя из определенной «традиции», более применимо к структурам, входящим в состав МВД, ФСБ, Генеральной прокуратуры, Следственного комитета и др., имеющим гораздо больше полномочий и осуществляющих гораздо больше функций по охране и защите прав граждан, общества и государства, борьбе с преступностью [3, 4, 6, 7, 8].

Применять по отношению к ПТБ определение «правозащитный орган», по мнению автора работы, так же не корректно, поскольку, хотя в действующем законодательстве РФ и не содержится такого законодательно закрепленного определения, по нашему представлению, с подобными определениями традиционно соотносят иные образования.

Возможно ли подобрать иное определение для ПТБ?

Чтобы ответить на поставленный в работе вопрос, необходимо подвести определенный итог и констатировать, что особенностями подразделений транспортной безопасности являются:

- 1) специализация на защите объекта транспортной инфраструктуры и транспортного средства от акта незаконного вмешательства [5];
- 2) специализированная профессиональная подготовка работников ПТБ;
- 3) использование в процессе обеспечения транспортной безопасности специализированных технических средств [5];
- 4) наделение работников ПТБ определенными полномочиями в целях обеспечения транспортной безопасности, в том числе, по недопущению, пресечению и выявлению некоторых противоправных деяний, содержащих признаки составов административных правонарушений и преступлений [5].

Вместе с тем, у ПТБ отсутствует ряд полномочий, присущий отдельным подразделениям в составе МВД, ФСБ, других государственных структур, осуществляющих деятельность по борьбе с преступностью, охраной общественной безопасности и общественного порядка [3, 4, 6, 7, 8].

Так, у ПТБ отсутствуют полномочия на проведение оперативно-розыскных мероприятий, проведение до-

знания и следствия, проведение административного расследования, проведение экспертиз и пр. [3, 4, 6, 7, 8].

Таким образом, ПТБ имеют лишь отдельные полномочия, присущие правоохранительным органам (по недопущению, пресечению и выявлению ряда противоправных деяний) и не являются самостоятельными в смысле расследования преступлений и административных правонарушений, осуществления иных мероприятий, предусмотренных административным и уголовно — процессуальным законодательством.

Учитывая вышесказанное, по мнению автора работы, применение в отношении ПТБ определения «правоохранительный орган» представляется не корректным, но возможно употребление определения «правоохранительный субъект» либо «субъект правоохранительной деятельности».

Работники такого субъекта правоохранительной деятельности имеют определенные цели, функции и полномочия, которые закреплены в федеральном законодательстве.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года (Электронный ресурс) // Официальный интернет-портал правовой информации // http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102027595#10 (дата обращения: 13.10.2022 г.).
2. Уголовный Кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 13.06.1996 № 63 ФЗ (Электронный ресурс) // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (дата обращения: 13.10.2022 г.).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174 ФЗ (Электронный ресурс) // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073942> (дата обращения: 14.10.2022 г.).
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195 ФЗ (Электронный ресурс) // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102074277> (дата обращения: 14.10.2022 г.).
5. Федеральный закон от 09.02.2007 № 16 ФЗ «О транспортной безопасности» (Электронный ресурс) // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102111823> (дата обращения: 13.10.2022 г.; 14.10.2022 г.).
6. Федеральный закон от 12.08.1995 г. № 144 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (Электронный ресурс) // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102037058> (дата обращения: 14.10.2022 г.).
7. Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3 ФЗ «О полиции» (Электронный ресурс) // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102145133> (дата обращения: 14.10.2022 г.).
8. Федеральный закон от 03.04.1995 г. № 40 «О Федеральной службе безопасности» (Электронный ресурс) // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102034880&rdk=&intelsearch=> (дата обращения: 14.10.2022 г.).
9. Приказ Минтранса России от 23.07.2015 г. № 227 «Об утверждении Правил проведения досмотра, дополнительного досмотра, повторного досмотра в целях обеспечения транспортной безопасности» (Электронный ресурс) // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/docbody=&prevDoc=102074277&backlink=1&nd=102394537&rdk=> (дата обращения: 13.10.2022 г.).

Регламентация экстремизма и экстремистской деятельности на международном и национальном уровнях

Онищенко Алина Владимировна, студент магистратуры;
Слинюк Полина Дмитриевна, студент магистратуры
Иркутский государственный университет

В данной статье авторы определяют нормативно-правовое регулирование противодействия экстремистской деятельности на международном и национальных уровнях.

Ключевые слова: экстремистская деятельность, экстремизм, экстремистская направленность, конституционный строй, крайние взгляды.

Экстремизм — это приверженность к крайним взглядам, позициям и мерам в общественной деятельности. Он выражается в различных формах, начиная от проявлений, не выходящих за конституционные рамки, и заканчивая такими острыми и общественно опасными формами, как провокация беспорядков, гражданское неповиновение, повстанческая деятельность и террористические акции

Представляется, что законодательное определение любого понятия должно создаваться с учетом сложившихся общественных отношений, этапа их развития и других не менее важных факторов, отражая наиболее значимые признаки и особенности данного явления в конкретном государстве. Международное же законодательство должно содержать лишь наиболее важные признаки, являющиеся определяющими для отграничения «экстремизма» от иных явлений, в том числе не обладающих общественной опасностью. При этом федеральному законодателю должна быть предоставлена возможность изменения перечня деяний, которые могут быть отнесены к экстремистской деятельности в целях более эффективной борьбы с данным явлением. На практике такой логики не прослеживается: зачастую смысл, заключаемый в понятие «экстремизм» на международном уровне, значительно отличается от законодательного определения, существующего в той или иной стране: список деяний, подпадающих под исследуемый термин, необоснованно расширяется или сужается.

На международном уровне термин «экстремизм» раскрывается в Шанхайской конвенции «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом». Пункт 3 части 1 статьи 1 данного правового акта указывает, что «экстремизм — какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон» [1]. Таким образом, экстремизмом может быть признано лишь деяние, т. е. термин не рассматривается с точки зрения психологического критерия: ничего не говорится об экстремизме в мыслях или суждениях. Непосредственно мысли

и взгляды, психические процессы, убеждения, их выражение вовне, например, в дневниках, высказываниях не являются преступлением и не наказуемы, насколько бы они ни были негативны для общества. Тем не менее, высказывание подобных мыслей или взглядов в определенных случаях признается «словесным поступком [2]», если такое высказывание как поведение нацелено на причинение вреда, запрещенного уголовным законом, например, вреда здоровью, имущественным правам личности, чести, или вреда основам конституционного строя. Стоит заметить, что Конвенция разрешает закреплять стране-участнику в федеральном законодательстве положения о более широком, чем в самой Шанхайской Конвенции, понимании терминов. Т. е. в целом использование термина именно в установленном Конвенцией смысле не обязательно, законодатель может установить и иное определение, в том числе не совпадающее по значению с определением Конвенции.

Необходимо отметить, что определение, установленное Шанхайской конвенцией, понимает весь вид общественно опасного деяния «экстремизм»: политического (в части покушения на основы конституционного строя), религиозного и социального (в части покушения на общественную безопасность). Зачастую правовые акты, содержащие определение изучаемого термина, раскрывают смысл лишь одного из видов экстремизма. Примером тому может служить Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы от 2003 года «Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе». В ней присутствует определение экстремизма только как политического явления: «Независимо от своей природы экстремизм представляет собой форму политической деятельности, явно или исподволь отрицающую принципы парламентской демократии и основанную на идеологии и практике нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультранационализма [3]». Такой подход необоснованно сужает сущность экстремизма как социального явления. При использовании такого одностороннего подхода из поля зрения исчезают другие виды экстремизма: религиозный, национальный, социальный, расовый. Фактически, в установленном ПАСЕ определении содержится понимание термина лишь как идеологии, которая отвергает принципы демократии, что не может рассматриваться как общественно-опасное деяние. В случае

буквального толкования такого определения под запретом окажутся многие политические движения: монархистские, анархистские, коммунистические и некоторые другие. Таким образом, использование на практике такого определения возможно лишь с учетом его особенностей. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» содержит правовую характеристику исследуемого явления, однако определение явления дается через перечень форм осуществления экстремистской деятельности (деяний, признаваемых преступлениями либо административными правонарушениями, признаваемых экстремистской или террористической деятельностью, либо связанных с экстремизмом или терроризмом). При этом термины «экстремизм» и «экстремистская деятельность» отождествляются. В текст закона постоянно вводятся также все новые нормы, раскрывающие другие термины, необходимые для понимания сущности экстремизма, что указывает на признание законодателем недостатков самого определения исследуемого термина. Так, летом 2014 года в названный закон была введена статья 3.1. Она устанавливает, то религиозные тексты (Библия, Коран, Танах и Ганджур), содержание таких источников и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами.

Тем не менее, на данный момент это единственное существующее в Российском законодательстве правовое определение экстремизма, несмотря на существование множества правовых норм, которые так или иначе закрепляют основные признаки экстремистской деятельности. Общей характеристики экстремизма, которая, теоретически, должна содержаться в определении, вышеуказанный Федеральный закон не дает. Такой подход законодателя не отвечает требованиям юридической техники. Определенных критериев понятия определение не содержит, точно так же, как и не раскрывает сущность исследуемого явления. Формы осуществления экстремистской деятельности или действия, подпадающие под понимание экстремизма, перечислены достаточно хаотично и бессистемно. Некоторые ученые предлагают выделить несколько групп противоправных деяний, для того, чтобы обеспечить удобство использования существующего перечня. Среди деяний, упомянутых в перечне, по мнению ученых, можно выделить три направления: физическое осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по идеологическим, политическим, расовым, национальным или религиозным мотивам; распространение в обществе экстремистских идей, возбуждение расовой, национальной или религиозной розни; финансирование экстремистской деятельности. Кроме того, законодатель продолжает раскрытие значения термина в отдельных статьях Уголовного кодекса Российской Федерации, многие положения законодательного определения уточняются и поясняются в Постановлении Пленума Верховного Суда «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», Кодексе об административных правонарушениях (например, произ-

водство и распространение экстремистских материалов, предусмотренное ст. 20.29).

Стоит также отметить, что применительно к исследуемым составам преступлений в примечании к статье 282.1 УК РФ дается определение «преступлений экстремистской направленности». В соответствии с данной нормой, под таковыми необходимо понимать преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК РФ и пунктом «е» части 1 статьи 63 УК РФ. Кроме того, для полного понимания правоприменителем вопроса о том, какие из криминализованных деяний относятся к экстремистским, существует Перечень № 20 преступлений экстремистской направленности, введенный в действие Указанием Генпрокуратуры России № 65/11, МВД России № 1 от 1 февраля 2016 года «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности». Он относит к таковым четыре группы: относящиеся к перечню без дополнительных условий (п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119, п. «б» ч. 1 ст. 213, ст. 280, ст. 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 357 УК РФ); преступления, отнесение которых к перечню зависит от даты возбуждения уголовного дела (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, возбужденные 12 августа 2007 года и позднее); преступления, относящиеся к перечню при наличии в статистической карточке отметки о совершении преступления по мотивам ненависти либо вражды идеологической, политической, расовой, национальной, религиозной, в отношении какой-либо социальной группы: (чч. 3, 4 ст. 111, ст. 136, 148, 149, 212, ч. 2 ст. 213, ч. 2 ст. 214, ст. 239, 243, 244, 335, 336, 354.1 УК РФ); преступления, отнесение которых к перечню при наличии в статистической карточке отметки о совершении преступления по указанному мотиву зависит от даты возбуждения уголовного дела (п. «л» ч. 2 ст. 105, ст. 213 (до 12 августа 2007 года), ст. 141, ст. 142, ст. 142.1, ч. 4 ст. 150, ст. 278, ст. 279 (12 августа 2007 года и позднее), а также ст. 214 УК РФ, при возбуждении уголовного дела до 1 июня 2007 года).

Таким образом, при рассмотрении вопросов о регламентации экстремизма на международном и национальном уровне необходимо отметить, что на международном уровне экстремизм как острую проблему современного мирового сообщества принято рассматривать как деяние, целью которого выступает захват власти или же ее насильственное удержание, а также насильственное изменение основ конституционного строя; российское же законодательство не устанавливает легального определения данному понятию, предусматривая ответственность за совершение деяний, отражающих экстремистской деятельности. При системном анализе существующих на разных уровнях определений изучаемого термина, а также доктринальных

источников, можно выявить отдельные особенности экстремизма как общественно-опасного явления. К таким признакам можно отнести: деятельность; противоправность; идеологическое обоснование; отрицание инако-

мыслия, иных точек зрения; отрицание такими взглядами принципов демократии, а также признак насильственности осуществления для отдельных видов экстремистской деятельности.

Литература:

1. О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом: Шанхайская конвенция от 15 июня 2001 г. // Собрание законодательства. 2003. № 41. Ст. 3947.
2. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М., 2019. С. 170.
3. Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе: Резолюция ПАСЕ № 1344 2003 г. // Коммерсант. 2006. № 102 (3433). С. 8.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Особенности организации рассмотрения дел с участием присяжных заседателей

Зайцева Мария Николаевна, студент

Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Хабаровск)

В статье исследуются особенности организации рассмотрения дел с участием присяжных заседателей. Рассматриваются вопросы законности при рассмотрении и разрешении дела в суде с участием присяжных заседателей. Освещаются проблемные вопросы организации и функционирования данной формы судопроизводства.

Ключевые слова: правовое государство, права человека, уголовное судопроизводство, представители общества, суд с участием присяжных заседателей, справедливость приговора, судебное разбирательство, приговор.

В настоящее время, как и прежде, российское государство в лице законодательной, исполнительной и судебной власти нуждается в доверии граждан. Для этого совершенствуются институты указанных ветвей власти, не стала исключением и судебная система, как никакая другая, напрямую заинтересованная в непосредственном участии общества.

Суд присяжных в России — это особая форма судопроизводства, где непосредственное участие принимают непрофессиональные судьи — обычные граждане, не имеющие отношения к юриспруденции. Последние годы полномочия присяжных постепенно расширяются: увеличился перечень преступлений, которые могут рассматриваться с участием присяжных, добавились уголовные дела о геноциде и посягательстве на жизнь государственного деятеля. Хотя по-прежнему преимущественно с присяжными рассматриваются уголовные дела об убийстве и о причинении тяжкого вреда здоровью [3, с. 76].

В законодательных актах УПК РФ произошли некоторые изменения, и теперь суд присяжных осуществляет деятельность в соответствии с ФЗ № 190 от 01.06.2018 г., нормы которого распространяются на звенья федеральных судебных учреждений городского и районного уровня. Закон регламентирует открытие и ведение уголовных дел в отношении обвиняемых в совершении таких преступлений, как умышленное убийство и сознательное причинение тяжкого вреда здоровью со смертельным исходом по неосторожности.

Прежде всего, стоит учесть, что присяжная коллегия рассматривает те категории преступлений, которые как раз относятся к тяжким и особо тяжким преступлениям закона РФ.

Также суд присяжных может проводиться только по запросу со стороны обвиняемого, а не потерпевшей стороны, при этом со второй стороны не принимаются возражения касательно такой формы судопроизводства.

Ходатайство обвиняемого принимается на ознакомительном этапе рассмотрения дела, что происходит после проведения предварительных следственных мероприятий. В этот момент становится обязательным привлечь к участию в рассмотрении дела защитника. В случаях, когда обвиняемая сторона состоит из нескольких лиц, и не каждое из них выражает согласие о присутствии в суде коллегии присяжных, то решение принимает следователь. Вопрос может быть решен путем выделения уголовных дел в отдельные судебные производства, а если это сделать невозможно, то суд проводится при участии присяжных заседателей. Присяжная коллегия изучает доказательную базу, не беря во внимание те, которые получены ими самостоятельно с нарушением закона, а также те, которые связаны, например, с предыдущей судимостью подозреваемого. Правовые вопросы присяжные не решают, поскольку не имеют необходимых юридических знаний. После рассмотрения доказательной базы и заслушивания обеих сторон, коллегия присяжных выносит вердикт о том, было ли совершено преступление, достаточно ли доказательств для обвинения в содеянном подсудимого, признают ли они его виновным в совершении рассматриваемого преступления. Принимая в учет вердикт присяжной коллегии, председатель суда выносит приговор.

Ход судебного разбирательства при участии коллегии присяжных имеет определенный порядок. Сперва, государственный обвинитель делает вступительное заявление о сути обвинения, предлагая порядок проведения исследования представленной доказательной базы. Также на начальном этапе звучит заявление защищающей стороны, высказывая позицию, которая предварительно согласована с обвиняемым. Присяжная коллегия действует через представителя (эксперта), проводя допрос потерпевшей стороны, подсудимого и свидетелей. Вопросы, задаваемые участникам процесса, излагаются в письменном виде и подаются через старшину председа-

тельствующему лицу. Последний оглашает их или отклоняет, если считает, что они не имеют отношения к делу или сформулированы некорректно. Вопросы, касающиеся недопустимости доказательств могут быть рассмотрены только в отсутствие членов присяжной коллегии. Также исключается обсуждение фактов прежней судимости обвиняемого, факты признания его наркоманом или алкоголиком, другие факты, которые способствовали бы предвзятому отношению к подсудимому со стороны присяжных заседателей. Если какие-либо прения содержат упоминания обстоятельств, которые неизвестны присяжным, председательствующий проводит разъяснение, что эти факты нельзя учитывать при вынесении решения. Когда прения сторон окончены и прозвучало последнее слово подсудимого, коллегии присяжных формулируются вопросы от председательствующего. Для обсуждения вопросов участники коллегии присяжных удаляются из помещения, в котором проходит суд [1, с. 55].

Кроме вышеперечисленных ответов на основные вопросы о каждом из рассматриваемых аспектов уголовного дела (о наличии преступления, достаточности доказательств и вины подсудимого), допустимо ставить вопросы частного характера, увеличивающие или уменьшающие степень виновности, меняющие ее характер, влекущие за собой освобождение обвиняемого от ответственности, а также вопросы о соучастии каждого из обвиняемых (для преступлений, которые были совершены группой лиц).

Если вина подсудимого признана, присяжные решают, заслуживает ли он снисхождения. На этом этапе вопросы также формулируются в письменном виде, оглашаются присяжным и подаются старшине коллегии. Важно, чтобы они были поставлены в простой форме, без сложных юридических терминов и непонятных для присяжных формулировок. Вопросы рассматриваются отдельно по каждому подсудимому. Если в вопросном листе содержится какая-либо информация, которая требует разъяснений, присяжные имеют право обратиться за ними к председательствующему лицу. Обсуждение также проводится в отдельной комнате для совещаний, где и выносится вердикт. Перед этим членов коллегии присяжных разъясняют нормы УК РФ, которые регламентируют наказание за совершенное подсудимым преступление. Вердикт формулируется в виде письменных ответов на требуемые вопросы касательно вины подсудимого. Члены присяжной коллегии должны принять по каждому пункту единогласное решение. Поэтому если разногласия не решаются по истечении 3 часов, то используется формат открытого голосования без права воздержаться. Последним голосует старшина.

Вердикт с обвинением может считаться принятым при условии, что на каждый из трех ключевых вопросов большинство членов присяжной коллегии проголосовало утвердительно. Вердикт с оправданием подсудимого будет принят, если хотя бы на один из вопросов дан отрицательный ответ шестью и более членами присяжной

коллегии. При условии равномерного распределения голосов решение принимается в благоприятную для подсудимого сторону.

Далее вопросный лист подписывается присяжными, и они возвращаются в зал заседания суда для провозглашения вердикта. Это последний этап, в котором принимает участие коллегия присяжных заседателей. В том числе последствия вердикта рассматриваются и обсуждаются уже без них.

При условии вынесения присяжными оправдательного вердикта председательствующий должен постановить оправдательный приговор и немедленное освобождение подсудимого из-под стражи. Обсуждать в этом случае допустимо только аспекты, которые связаны с вопросами распределения судебных издержек, разрешением гражданских исков, а также вещественной доказательной базой — пока не будет вынесен окончательный приговор.

Если присяжные вынесли обвинительный вердикт, имеет место проведение исследования обстоятельств, которые связаны с квалификацией преступного действия. Подсудимому назначается наказание, и гражданский иск разрешается. Далее слушаются прения сторон, и подсудимому дается последнее слово. Затрагивать в этом случае стороны могут любые правовые вопросы, которые необходимо разрешить. Стороны при этом не имеют права подвергать сомнению справедливость вынесенного коллегией присяжных заседателей вердикта.

Обвинительное решение присяжных хотя и влечет за собой обвинительный приговор в большинстве случаев, все же, если председательствующий с ним не согласен, то выносится оправдательный приговор. Когда такое имеет место, и в деле действительно имелись основания для вынесения оправдательного вердикта, коллегию присяжных будет постановлено распустить. В этом случае дело будет рассмотрено другим составом суда, и делопроизводство начнется с этапа проведения предварительных слушаний.

Основной особенностью приговора, который выносится при участии коллегии присяжных заседателей, является то, что вводная часть не содержит фамилий членов коллегии. В свою очередь описательная часть приговора должна ссылаться на решение присяжных или отказ от обвинения со стороны государственного обвинителя. Доказательства содержатся только в части, которая не имеет отношения к вердикту, вынесенному присяжными. Приговор с оправданием благодаря решению присяжных может быть аннулирован прокурором, если в ходе его вынесения имело место нарушение закона, регламентирующего ход процессуального суда [2, с. 149].

В заключении, можно отметить, что основной акцент в реформировании суда присяжных должен быть нацелен на расширение его использования в российской судебной системе, на создание необходимых условий независимости присяжных заседателей, а также на повышение уровня доверия к данному институту у граждан России.

Литература:

1. Гёзель, М. Г. Актуальные проблемы суда присяжных в России / М. Г. Гёзель // Закон и право. — 2019. — № 4. — С. 54–56
2. Лагуткина Н. Б. Особенности доказывания в уголовном судопроизводстве / Н. Б. Лагуткина // Право и государство: теория и практика. — 2018. — № 9 (165). — С. 147–150.
3. Попаденко, Е. В. Суд присяжных: учебное пособие для вузов / Е. В. Попаденко, Е. В. Красильникова. — М.: Юрайт, 2022. — 169 с.
4. Угольникова Н. В. Уголовный процесс. Учебное пособие / Н. В. Угольникова. — М.: Инфра-М, РИОР, 2021. — 182 с.
5. Шайхутдинова, Л. Н. Актуальные проблемы суда присяжных в России / Л. Н. Шайхутдинова, О. В. Корнелюк // Инновационная наука. — 2017. — № 6. — С. 121–124

Вклад А. Р. Ратинова в развитие отечественной криминалистики с точки зрения судебной психологии

Золотухина Татьяна Денисовна, студент;

Пименова Полина Дмитриевна, студент

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

В настоящей статье рассматривается вопрос разработки пограничных проблем психологии и права на основании трудов Александра Рувимовича Ратинова, отечественного криминалиста. В частности, выявляются психолого-криминалистические аспекты следственных действий. Анализируются личностные качества следователя, криминалиста, а также важность правильной работы с устными и письменными показаниями. Выводится тезис о значимости юридической (судебной) психологии в рамках следственной работы.

Ключевые слова: криминалистика, следственные действия, психология, юридическая психология, право.

Ратинова А. Р. можно с гордостью назвать поистине выдающимся российским юристом, чей вклад в развитие отечественной криминалистики несомненно огромен. Его труды и по сей день служат ориентиром для всех людей, чья профессия связана с правом.

Он родился 17 апреля 1920 г. в г. Херсоне. Свою трудовую деятельность начал еще со студенческой скамьи. Однако его, как и многих молодых людей, застала война, за доблестную службу и боевые заслуги в которой он был удостоен почетных званий и награжден многочисленными орденами. После войны Ратинов связал свою жизнь с работой следователя. Практику удачно совмещал с научной деятельностью, которой посвятил всю свою жизнь. Он внес значительный вклад не только в развитие криминалистики, но и правовой науки в целом. Ученый-правовед написал большое количество монографий, писал так же и в соавторстве.

Но наиболее значительный вклад Александр Рувимович внес в разработку т. н. пограничных проблем психологии и права (в частности — криминалистики). Им был написан такой известный труд как «Судебная психология для следователей». Примечателен тот факт, что дальнейшее развитие в России юридической психологии неразрывно связано с его именем. Наиболее интересным представляется постановка вопроса о психологии следственных действий (в рамках настоящей статьи речь пойдет об обыске и выемке), и судебной речи.

Как справедливо отмечал Ратинов: во-первых, юристы никогда не отрицали психологию (существует выделившаяся дисциплина — юридическая психология), во-вторых, если бы взаимосвязь отсутствовала, то решения вопроса об основаниях уголовной ответственности не существовало. Например, уместным является упомянуть об умысле и неосторожности, вине, как элементе состава преступления. Следуя его пониманию, — это отношение лица к совершенному преступлению, т. е. криминальная психология (фактически это является указанием на криминологию как на изучение явления преступности в целом, в связи с чем часто возникает путаница) [1; с. 53–61]. Само понятие «психология» расшифровывается как изучение общих закономерностей душевной деятельности человека (есть некоторые отличия от психоанализа З. Фрейда), в нашем же случае мы рассматриваем судебную психологию как ответвление общей психологии — изучение психических явлений *участников и их действий* в рамках уголовного судопроизводства [2; с. 3–9].

Раз существует такая связь и градация, соответственно следующее, на что стоит обратить внимание является то, каким образом это реализуется в рамках следственных действий.

Говоря ранее об обыске и выемке, сосредоточим свое внимание на их сущности. Стоит отметить, что разграничение проводится между данными понятиями: в случае обыска — происходит поиск предметов, местонахождение

которых неизвестно вовсе, либо сами они неизвестны или в неполной мере, и обратно при выемке: известно — где, известно — что [3; с. 8].

Сущность воззрений А. Р. Ратинова на следственные действия заключена в следующем: те, кто проводит обыск (думается, и выемка), должны найти все, что возможно, и что является важным на месте, не надеясь на повторение этого следственного действия [3; с. 182]. В данном случае обыск и выемка — суть криминалистической тактики, т. е. подготовка и ведение таких действий в соответствии с уголовным законом (со стороны криминалистической науки и уголовного процесса, ст. 182 и ст. 183 УПК РФ соответственно). Вместе с тем к названному выше добавляется и аспект психологии. Приведем пример из монографии Александра Рувимовича: при обыске было обнаружено несколько тайников. Часть найденного (из тайников) находилась в банках с продуктами — вареньем и топленым маслом. Под конец следственного действия, обыскиваемая, видимо озадачившись тем фактом, что ее могут окончательно раскрыть, пыталась имитировать истерический припадок, швыряя эти банки в угол комнаты. На деле, ее действия были восприняты обыскивающими как сигнал того, что есть *еще что-то*, что пытаются скрыть. Продолжив действия и вскрыв в том месте паркет, следственной группой было обнаружено 3 кг золотых монет [3; с. 91–94].

Здесь же необходимо прояснить момент психологии в отношении обыскивающих [2; с. 227–243]:

— наблюдение, или наблюдательность [4; с. 153–166]. Эмпирическое восприятие действительности. Внимание к деталям. Отсюда — логика. Необходимость контроля за всем тем, что есть внутри пространства, снаружи, но также за присутствующими при следственном действии. Ратинов делал акцент на этом в своей работе, но, однако же, отмечал, что этого бывает недостаточно для достижения нужного результата, т. е. нужен комплексный подход;

— самоконтроль, увлеченность, целеустремленность. Полный контроль над эмоциями и сохранение «боевого режима» невозможен в силу ряда причин (излишняя заинтересованность, восприимчивость, усталость, отвлеченность внимания и т. д.), для этого требуется смена деятельности, ведение записей, дисциплина при проведении следственного действия и т. д.

По своей сути, выемка обладает схожестью с обыском, хотя, как мы указали ранее, и расходится по ряду положений. В связи с чем полагаем, что применение приведенных рассуждений в пользу обыска справедливы и для выемки, поскольку в работе не затрагивается процессуальный порядок обоих действий.

Следовательно, под психолого-криминалистическим аспектом следственных действий, в частности обыска и выемки, мы можем понимать следующее. С чисто криминалистической позиции мы усматриваем само следственное действие. То, как оно проводится, каким образом и что для этого нужно. С психологической позиции же — какими *качествами* необходимо обладать эксперту-кри-

миналисту, следователю, чтобы сделать это наиболее эффективно.

Таким образом, в рамках настоящей статьи хотелось бы осветить *как* затронутая ранее связь психологии и криминалистики, реализуется в судебной речи. Александр Рувимович проводил научные исследования в психолингвистике (раздел общей психологии) как «речь» в судебной психологии (раздел юридической психологии). Данное «сочетание» привлекает к себе внимание в первую очередь тем, что с его помощью проводят анализ не столько текста, сколько речи, которая стоит *за текстом*.

Главной проблемой здесь является речь следователя и участников процесса, а также восприятие ими показаний подследственного (обвиняемого) и свидетелей. При этом в центре стоит проблема внушения следователем тех или иных показаний и проблема достоверности перевода устной речи допрашиваемого в письменную форму [5; с. 95–105]. Сам Ратинов считал, что следователи выступают в качестве *психологических агентов*, действующих на психическую жизнь людей в желательном для них направлении. Именно поэтому психологические познания, понимание человеческой психики имеют огромное значение для следователя. Как, например, при проведении т. н. «словесной разведки» [6; с. 264–265]. Суть приема заключается в том, чтобы спровоцировать обыскиваемого (с помощью *словесного раздражителя* и соответствующего поведения следователя) на добровольную сдачу предмета, либо дать намек следователю о местонахождении такового.

К тому же, главными инструментами следователя в следственной работе, Александр Рувимович выделял язык и речь. По его мнению, умение излагать свои мысли также важно, как и умение мыслить. Иначе неправильно услышанная речь следователем может привести к грубым процессуальным ошибкам [2; с. 116]. Развивая свою мысль и рассуждая на тему речи в судебной психологии, ученый-криминалист подчеркивал важность правильной фиксации устной речи, переносе информации на материальный носитель. Если ошибочное понимание устной речи можно вовремя обнаружить и пресечь, то в письменной этого сделать не получится. Вот почему искажения в процессуальных актах, на основе которых решается судьба дела и стоящих за ним людей, наиболее опасны по своим последствиям.

Стоит также отметить, что существенная потеря информации обычно происходит в связи с тем, что следователь не может воспринимать услышанную речь дословно. Это возникает, чаще всего, из-за того, что речь содержит в себе избыток информации. Следователь прибегает к мыслительному отбору существенного, при этом отсеивая сведения, которые, по его мнению, не имеют значения для дела. В результате неправильного определения относимости утрачивается часть *нужной информации*. Ратинов в своей работе неоднократно уделял внимание умению слушать и слышать и считал, что данный

фактор не менее ценен для следователя, чем умение говорить [2; с. 117].

Ученым также отмечалась неопытность молодых следователей в работе с обвиняемыми. В частности, он поднимал проблему использования следователями воровского сленга, которые были ими почерпнуты из криминального жаргона. При использовании такого речевого приема следователь ошибочно думает, что устанавливает контакт с обвиняемым лицом. Однако, как утверждал Александр Рувимович, это является заблуждением неопытности. Безусловно в профессиональном плане знать и разбираться в жаргонных выражениях необходимо для качественного понимания следователем речи обвиняемого, но вовсе не для того, чтобы выразаться так самому. Ясность и понятность судебной речи, умение быть

красноречивым — такие обязанности следователя ученый неоднократно перечислял в своих трудах [2; с. 119].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, мы делаем вывод о том, что Ратинов Александр Рувимович внес неопределимый по значимости вклад в отечественную криминалистику. Благодаря его трудам, мы не только понимаем значимость речи в юридической (судебной) психологии, процесс возникновения криминального поведения (по другим его работам, не затронутым в настоящей статье), но и сущность психики самого обыскивающего-следователя, а также какими качествами должен обладать следователь, криминалист, чтобы достигнуть единственно верного и необходимого результата — разоблачение преступника и его справедливое наказание.

Литература:

1. Советское государство и право. № 5. — М.: Наука, 1964 г. — 150 с.
2. Судебная психология для следователей: Учеб. пособие / Высш. школа МООП СССР. — Москва, 1967. — 290 с.
3. Обыск и выемка: Издание предназначено для прокурорско-следственных работников / А. Р. Ратинов; Прокуратура Союза ССР. Всесоюз. науч.-исслед. ин-т криминалистики. — Москва: Госюриздат, 1961. — 218 с.
4. Вопросы предупреждения преступности. Вып. 4 / Редкол.: Герцензон А. А., Звирбуль В. К., Карпец И. И. (Отв. ред.), Косоплечев Н. П., Миньковский Г. М., Перлов И. Д., Ратинов А. Р., Степичев С. С., Эйсман А. А. — М.: Юрид. лит., 1966. — 192 с.
5. Юридическая психология. Сборник научных трудов / Под ред.: Ефремова Г. Х., Ратинов А. Р. — М.: Изд-во НИИ пробл. укрепления законности и правопорядка, 1998. — 124 с.
6. Юридическая психология. Учебник для вузов / Шиханцов Г. Г.; Отв. ред.: Томсинов В. А. — М.: Зерцало, 1998. — 352 с.

Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон

Кутуева Татьяна Сергеевна, студент магистратуры

Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье рассматриваются и анализируются положения уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации в части прекращения уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующему основанию — в связи с примирением сторон. Заостряется внимание на том, что в действующем законодательстве, а также судебно-следственной практике и научной литературе нет конкретного понимания о том, что же такое примирение. Также, как и нет установленной формы реализации примирительной процедуры, законодателем не предусмотрены и условия с основаниями, допустимые для прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, досудебные стадии, свидетели, показания свидетелей, допрос свидетелей, цифровые технологии, цифровизация, дистанционный допрос, депонирование показаний, доказательства.

В уголовно-процессуальном законодательстве существуют нормы, направленные на защиту потерпевших от преступления. К одной из таких норм относится стимулирование лица, совершившего преступление, на определенные действия, позволяющие загладить вред потерпевшему и примириться с ним. Этот институт представляет собой прекращение уголовного дела и уголовного преследования в результате примирения сторон.

На текущий момент в законодательстве отсутствует четкое понимание примирения сторон. Также отсутствует

закрепленная процедура примирения сторон. Таким образом, чтобы исследовать указанный институт, необходимо обратиться к законодательству.

В статье 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее также — УПК РФ) указано, что Должностное лицо, ведущее предварительное расследование либо суд, с согласия руководителя органа, осуществляющего расследования, а в определенных случаях — дознаватель с согласия прокурора, имеет право прекратить преследование и уголовное дело в отношении

подозреваемого или обвиняемого [1]. Однако необходимо наличие определенных условий.

В силу статьи 76 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — также — УК РФ), лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред [2].

К преступлениям небольшой тяжести относят деяния, совершенные умышленно или по неосторожности, максимальное наказание за которые не превышает 3 лет лишения свободы.

К преступлениям средней тяжести, соответственно, относят деяния в форме умысла, максимальное наказание за которые не превышает 5 лет лишения свободы и неосторожные деяния, максимальное наказание за которые не превышает 10 лет лишения свободы. Таким образом, категории преступлений небольшой и средней тяжести являются первым условием для примирения сторон.

Изучив категории преступлений, и порядок примирения сторон, указанный в УК и УПК РФ, можно сделать вывод, что вторым условием является заглаживание причиненного вреда потерпевшему. Понятие вреда здесь не охарактеризовано, поэтому следует обратиться к пленуму Верховного суда Российской Федерации.

В соответствии с пунктом 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (далее также — Пленум), заглаживанием вреда признается возмещение ущерба и иные меры, направленные на восстановление нарушенных прав и законных интересов потерпевшего. Потерпевший сам определяет способы и размер возмещения вреда [3]. В пункте 2.1. Пленума указаны способы возмещения вреда, а именно: предоставление имущества взамен утраченного, ремонт и восстановление поврежденного имущества, либо его компенсация в денежном эквиваленте, а также другие способы, например, оплата лечения. Следует отметить, что перечень не является закрытым, и поэтому законодатель наделяет именно потерпевшего правом на определение размера и способа возмещения вреда.

Третьим условием является ходатайство потерпевшего о прекращении уголовного дела и уголовного пре-

следования. Оно должно быть добровольным. Поэтому, Следователю и иному уполномоченному лицу, перед вынесением соответствующего документа, следует изучить обстоятельства, на основании которых потерпевший принял такое решение. Это необходимо для установления отсутствия фактов запугивания и иного давления на потерпевшего. Также необходимо удостовериться, что причиненный вред заглажен в полном объеме и соответствующим способом, заявленным потерпевшим в процессе реализации процедуры примирения. В противном случае, недостаточное исследование вышеуказанных обстоятельств может привести к нарушению прав и законных интересов потерпевшего.

Следующим условием является совершение преступления впервые. Это означает, что лицо, совершившее преступление, фактически совершило его впервые или ранее не привлекалось к уголовной ответственности или в отношении него велось уголовное преследование, но было прекращено по различным основаниям: истечение сроков давности, погашение судимости, освобождение от наказания и признание лица не судимым.

Таким образом, статьи 25 и 76 УПК РФ и УК РФ соответственно, регламентируют процесс примирения сторон. Они соотносятся на наш взгляд как следующие категории: 76 статья УК РФ закрепляет основания, а 25 УПК РФ условия примирения с сторон.

Однако у этого института есть и недостатки. 20 статья УПК РФ разграничивает обвинение на частное, частно-публичное и публичное. И не всегда удается достигнуть примирения при наличии причиненного вреда потерпевшему физическому лицу и, например, вреда обществу и государству. Также при наличии нескольких потерпевших, необходимо примирение со всеми лицами, что усложняет процесс заглаживания вреда подозреваемым или обвиняемым. На стадии судебного разбирательства, Суды принимают решение по установленным фактически, а не предъявленным обвинениям. И в законодательстве отсутствует четкая процедура примирения сторон.

В связи с этим, разумным решением будет включение в УПК РФ процедуры примирения сторон, с указанием необходимых к составлению документов и этапов примирения.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности».

Особенности проведения судебного следствия с участием присяжных заседателей

Панфилов Илья Анатольевич, студент магистратуры
Иркутский государственный университет

В статье автор рассматривает и анализирует некоторые проблемы, возникающие в ходе судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей, и предлагает пути их решения.

Ключевые слова: суд присяжных, судебное следствие, вердикт присяжных заседателей

Существование института присяжных заседателей в современной правовой действительности характеризуется демократической сущностью и наличием независимой судебной власти в России. Вместе с тем, институт присяжных заседателей подтверждает реализацию принципа состязательности сторон в судебном процессе. Усиленное состязательное начало уголовного процесса является безусловно важнейшим и необходимым явлением [1, с. 192].

Особенность суда присяжных определила структурирование процедуры на два относительно самостоятельных этапа: судебное следствие с участием присяжных заседателей и судебное следствие без участия присяжных заседателей, которое законодателем определяется как «обсуждение последствий вердикта» (ст. 347 УПК РФ).

Судебное следствие в рамках уголовного процесса можно определить как сложную систему уголовно-процессуальных действий, отношений между участниками судопроизводства, а также процессуальных решений, принимаемых компетентными участниками. Элементы данной системы внутренне связаны и зависимы между собой.

Судебное следствие применительно в суде с участием присяжных заседателей гораздо шире, в отличие от рассмотрения дела в обычном порядке. В частности, председательствующий судья предпринимает определенные меры по предупреждению оглашения любых данных и обстоятельств, связанных с недопустимыми обстоятельствами. В систему судебного следствия включаются процессуальные действия председательствующего по удалению из зала судебного заседания присяжных заседателей, а также, об отложении судебного заседания в целях недопущения оглашения данных и обстоятельств, связанных с недопустимыми доказательствами.

Вместе с тем, существует определённый перечень обстоятельств, влияющих на специфику производства судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей. Во-первых, особая категория уголовных дел (тяжкие, особо тяжкие), подсудных суду присяжных заседателей. Во-вторых, принципы организации коллегии присяжных заседателей. В-третьих, специфический статус присяжного заседателя. В-четвертых, независимость присяжных заседателей от председательствующего. В-пятых, соотношение полномочий председательствующего и присяжных заседателей. В-шестых, ограничения при исследовании фактических обстоятельств уголовного дела при присяжных заседателях. В-седьмых, недопустимость предубеждения присяжных заседателей относительно личности подсудимого. В-восьмых, судебное следствие

может возобновляться в соответствии со ст. 347 УПК РФ для исследования некоторых фактических обстоятельств дела без участия коллегии присяжных заседателей. В-девятых, судьи, присяжные заседатели, государственный обвинитель оценивают доказательства в ходе судебного следствия по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью.

Обратим внимание на содержание вступительных заявлений стороны обвинения и защиты. Существует лишь одно ограничение, устанавливающее пределы судебного следствия с участием присяжных заседателей, это недопустимость изложения обстоятельств, не подлежащих исследованию с участием присяжных заседателей. Также, необходимо обозначить основные нарушения пределов судебного следствия, которые допускаются в самой вступительной речи: 1) упоминание о запрещенных методах ведения следствия, недопустимости доказательств и их фальсификации стороной обвинения; 2) намеренное доведение до присяжных защитником данных о личности подсудимого; 3) досрочное информирование присяжных заседателей о тех вопросах, которые им предстоит решить при вынесении вердикта [2, с. 203].

Стоит отметить, что исследование доказательств является одним из важнейших этапов судебного следствия. Следовательно, есть ряд основательных предложений, в частности В. М. Быков и Е. Н. Митрафонова, обоснованно считают, что необходимо внесение в УПК РФ статей о выдаче до начала судебного заседания присяжным заседателям копий обвинительного заключения [3, с. 31]. Это способствовало бы, присяжному заседателю сконцентрировать внимание на значительных обстоятельствах дела, располагая моделью события преступления. Именно отсутствие права на получение копий процессуальных документов уменьшает уровень познавательной активности присяжных заседателей.

Кроме того, данные о личности подсудимого могут исследоваться в ходе судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей лишь в целях установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого обвиняется подсудимый. Председательствующему следует прилагать все усилия, чтобы обеспечить исполнение запрета об исследовании фактов прежней судимости подсудимого, признания его хроническим алкоголиком или наркоманом, а также иных данных, способных вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого.

Вместе с тем, современная практика имеет случаи оказания незаконного воздействия на присяжных заседателей, которое выражается в том, что участники процесса со стороны защиты в обоснование своих доводов о невинности подсудимого указывают на имеющиеся, по их мнению, недостатки предварительного следствия, фабрикацию уголовных дел, некомпетентность следователей и пр. В указанных случаях председательствующий судья с учётом положений ст. 73, 243 и 252 УПК РФ обязан остановить выступающего и разъяснить присяжным заседателям, что они не должны принимать во внимание сообщенные сведения.

В целом сформированная на данный момент модель судебного следствия в достаточной степени повысила полномочия судьи, лишая во многом значимость присяжных заседателей. В ходе допроса участников уголовного процесса, именно судья решает, что станет известно присяжному заседателю по тому или иному факту.

Анализ уголовно-процессуального закона позволяет сделать вывод о его активной позиции, поскольку профессиональный судья принимает участие в допросах (ч. 3 ст. 275, ч. 3 ст. 278 УПК РФ), по своему усмотрению принимает решения: о назначении экспертиз (ч. 1 ст. 283 УПК РФ), о вызове экспертов для допроса (ч. 1 ст. 282 УПК РФ), о допустимости и относимости представленных сторонами доказательств (ч. 5 ст. 335 УПК РФ).

Следовательно, председательствующий, согласно принципу познавательной доступности, несет ответственность за то, чтобы в результате представления доказательств у присяжных возникло целостное и непротиворечивое представление об обстоятельствах дела, дающее возможность ответить на вопросы, поставленные в вопросном листе. В связи с этим, если какое-либо обстоятельство осталось за пределами познания, председательствующий обязан использовать предоставленные законом полномочия для устранения названного пробела.

На сегодняшний день суд присяжных сталкивается со многими проблемами, препятствующими его полноценному развитию. В частности, проблемные аспекты, перечисленные в данной статье, требуют определенных решений. Например, справедливо обосновано мнение, что недопустимость расширения предмета судебного следствия должна быть установлена законодательно, в ч. 1 ст. 335 УПК РФ необходима в следующей редакции: «Судебное следствие в суде с участием присяжных заседателей начинается со вступительных заявлений государственного обвинителя и защитника. Стороны во вступительном заявлении не вправе касаться обстоятельств, не подлежащих исследованию с участием присяжных заседателей» [4, с. 104]. Также, необходимо законодательное закрепление в УПК РФ статей о выдаче до начала судебного заседания присяжным заседателям копий обвинительного заключения.

Литература:

1. Малков, В. П. Отзыв официального оппонента на диссертацию М. Т. Аширбековой «Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия» / В. П. Малков // Актуальные проблемы экономики и права. — 2010. — № 1 (13). — С. 191–200.
2. Лебедев, В. М. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса РФ / В. М. Лебедев — М.: Издательство Юрайт, 2013. — 824 с
3. Быков, В. М., Митрофанова Е. Н. О расширении прав присяжных заседателей / В. М. Быков, Е. Н. Митрофанова // Рос. юстиция. — 2009. — № 3. — С. 30–34.
4. Луценко, П. А. Некоторые особенности процедуры судебного следствия с участием присяжных заседателей / П. А. Луценко, И. Л. Махоркин // Закон и право. — 2020. — № 3. — С. 103–106.

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 5 (38) / 2022

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 05.12.2022. Дата выхода в свет: 10.12.2022.

Формат 60 × 84/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.